

INSPIRIA

УБИЙСТВО НОМЕР

20

НАД ЧЬИМ ТЕЛОМ
НАПИШУТ ЦИФРУ «1»?

Сэм Холланд
УБИЙСТВО НОМЕР ДВАДЦАТЬ

ТВОЯ КРОВЬ — ЕГО КРОВЬ

Роман написан
специалистом по серийным убийцам

Сэм Холланд

Убийство номер двадцать

Серия «Ток. Тень маньяка. Лучшие триллеры об охоте на серийных убийц»

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70200415

ISBN 978-5-04-197983-6

Аннотация

Обратный отсчет пошел.

Старший инспектор полиции Адам Бишоп никогда не видел ничего подобного. Пять убийств за короткое время – и все тела обнаружены на мусорной свалке. И над каждым краской из баллончика нанесен свой порядковый номер: 20, 19, 18, 17, 16... Убийца явно ведет обратный отсчет своих жертв...

Внезапный поворот.

Эти «убийства под номерами» будят в докторе Ромилли Коулз тяжелые воспоминания. Двадцать пять лет назад произошла аналогичная серия жутких смертей. Но тот кошмарный убийца – ее отец – получил пожизненное и до сих пор сидит за решеткой...

Гонка со временем.

Вскоре Адам и Ромилли понимают, что разгадка кроется именно в том давнем деле, и только у Ромилли есть ключ к ней. Но нужно действовать быстро, поскольку с каждым днем жертв

становится все больше. Обратный отсчет неумолимо стремится к единице...

Над чьим телом напишут цифру «1»?

«Жестокий и пугающий, извращенный и захватывающий роман. Он хватает тебя за горло и сжимает до самого конца». – Крис Уитакер, автор мирового бестселлера «Мы начинаем в конце»

«Некоторые авторы вас пугают. Некоторые бесят. По-настоящему пугают очень немногие авторы – и это как раз Сэм Холланд. Ее роман умен и задумчив, остер, как ледоруб, и темен; однако самое главное, что он чертовски страшный. Думаете, вы круты? Возьмите роман и докажите это». – А. Дж. Финн, автор мирового бестселлера «Женщина в окне»

«Быстрая и яростная, Сэм Холланд ни на секунду не снимает ногу с педали газа». – Виктория Селман

«Захватывающее чтение... Наполненная саспенсом история, которая пугает и гипнотизирует одновременно». – Daily Mail

Содержание

Пролог	7
Часть I	10
Глава 1	11
Глава 2	26
Глава 3	31
Глава 4	34
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	55
Глава 8	62
Глава 9	66
Глава 10	79
Глава 11	84
Глава 12	91
Глава 13	95
Глава 14	103
Глава 15	110
Глава 16	117
Глава 17	130
Глава 18	138
Глава 19	146
Конец ознакомительного фрагмента.	154

Сэм Холланд

Убийство номер двадцать

THE TWENTY © Sam Holland 2023.

This edition is published by arrangement Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
yoolarts, Nikolaeva, John_T / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Артём Лисочкин, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Посвящается Мэтту

Пролог

Первое, что он чувствует, – это холодный бетон под босыми пятками, шершавую зернистую пыль между пальцами ног. Темно. Совсем темно.

Он двигает головой, и все вокруг начинает кружиться. На секунду замуривается, потом опять осторожно открывает глаза. В поле зрения появляются линии, углы, край стола – смутные очертания в полумраке.

Ничего не понятно, всё как в дурном сне. Он пытается вдохнуть поглубже, но что-то плотно обхватывает ему рот. Липкое, удушающее. Он тянется было к лицу, но лишь напрыгается всем телом, поскольку руками не пошевелить. Ничего. Он пробует высвободить их, дыхание у него учащается.

С ногами то же самое. Даже не двинуть. Он на чем-то сидит – судя по всему, в деревянном кресле. Ноги жутко замерзли, на них ни ботинок, ни носков. Воздух пропитан влагой, холодный туман проникает под рубашку, оседает на коже, отчего он дрожит всем телом.

Во лбу болезненно пульсирует – быстрое глухое «тук-тук» в такт бешеному сердцебиению. Но больше ничего. Больше ничего не болит.

Что случилось? Как он сюда попал? *Думай! Думай!* Но ничего не приходит. Лишь темнота, лишь паника. Накатывают слабость и головокружение – сказывается недостаток

кислорода. Он заставляет себя замереть, сосредоточиться на дыхании. Как учили. Шесть секунд вдох. Шесть секунд выдох. Воздух судорожными толчками вырывается через нос. Слишком быстро. Ничего не получается. Он пробует еще раз – закрывает глаза, медленно считает в уме.

Сердцебиение утихает, дыхание успокаивается. Если он возьмет себя в руки, если будет сохранять спокойствие, все с ним будет в порядке. Обязательно.

Но тут он что-то чувствует. Руку как-то странно тянет, что-то там есть. *В ней* что-то есть. Холодный, твердый металл. Он непроизвольно скрючивает пальцы, стараясь не думать о том, что это может быть. Ну да, точно. У него в руке, в обеих его руках. О господи... Нет... *Нем!*

И в ногах. Там тоже. Это ощущение невозможно забыть. Некого инородного тела, проткнувшего кожу и пристроившегося в вене. Он чувствует, как подкатывает знакомая паника. Дрожь. Пот.

«Только не вздумай вырубиться, – говорит он себе. – Только не сейчас. Только не здесь. Не вздумай. Потому что, если ты потеряешь сознание, кто знает, что произойдет...»

Но голова уже пустая и легкая, как воздушный шарик, кровь отливает от нее с каждой секундой неизвестно куда. То немного, что он может разглядеть в комнате, начинает расплываться.

И за миг до того, как потерять сознание, он слышит шаги. Слышит, как поворачивается ручка. И как открывается

дверь.

Часть I

Пальцы чешутся. К чему бы?

К посещенью душегуба¹.

Уильям Шекспир

«Макбет» (1606)

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

СУББОТА

¹ Пер. Б. Пастернака.

Глава 1

Довольно поздно, бар уже полон, когда он появляется здесь. Прокладывает себе путь сквозь толпу и устраивается в самой глубине зала, прислонившись к стене. Здесь шумно, многолюдно. Именно так, как ему нравится. Можно сохранять полную анонимность, никто не обращает на него ни малейшего внимания – он сливается с фоном из одинаково одетых мужчин.

Поглядывает по сторонам, подняв бутылку пива к губам. Хорохорящиеся парни у барной стойки, вспыхнувшая было пьяная ссора, расточительный и разгульный девичник... Худшее, что может предложить общество, – его собственные недостатки бледнеют на фоне такого разгула.

Какая-то блондинка, пошатываясь, направляется к туалету. Коротенькая юбочка, обручальное кольцо... Мужчина, провожающий ее похотливым взглядом, – вряд ли ее муж. На другом конце бара неугомонно ерзает какой-то торчок. К нему подходят, быстро озираются по сторонам, и сделка совершена – доля секунды, и деньги в обмен на хорошую ночь уже припрятаны в карман. Время дорого – кто-то еще тоже мечтает забыть обо всем.

Он примечает самые мелкие детали – именно таков его подход к жизни. Опять прикладывается к бутылке, противясь желанию вмешаться – он здесь сегодня не с этой целью.

Глаза его обшаривают бар. Что-то еще цепляет взгляд, заставляет убрать бутылку от губ. Это констебль в черно-белой униформе, движущийся в его сторону. Перехватив его взгляд, патрульный наклоняет голову, чтобы бросить несколько слов в микрофон рации на плече.

Он ждет; приканчивает свое пиво. В бар заходит еще один мужчина. Крупный, одет как и большинство остальных посетителей. Рубашка туго натянута на выпирающем животе. Патрульный вытягивает руку. Он вздыхает, смирившись с судьбой. Это было слишком уж хорошо, чтобы быть правдой... Еще одна испорченная ночь.

Здоровяк прокладывает путь к нему сквозь толпу. Останавливается рядом с ним.

– И сколько ты уже успел убрать? – спрашивает он, указывая на бутылку.

– Недостаточно. Я думал, у тебя медовый месяц?

– Сегодня утром прилетел. – Крупный мужчина хмурится. – Не надо было включать телефон. Марш приказал тебя срочно разыскать.

– А нельзя было просто позвонить, Джейми?

– Здесь нет приема. Сам же знаешь, босс.

Он медленно кивает. Ну конечно же, он в курсе... Просто не хотел, чтобы его дергали субботним вечером. У него выходной, на дежурстве есть и другие детективы. Зачем он так срочно понадобился?

Но легкое жжение в животе подсказывает ему зачем. Слу-

чилось что-то серьезное. Что-то совсем уж из ряда вон выходящее. Он ставит пустую бутылку на стол и вслед за своим подчиненным, детективом-сержантом², выходит из бара.

* * *

– Старший детектив-инспектор Адам Бишоп, – говорит он, предъявляя свое удостоверение констеблю перед натянутой полицейской лентой. Указывает на своего коллегу. – Детектив-сержант Джейми Хокстон.

Джейми тоже показывает свое удостоверение, и обоих пропускают за оцепление. Ночь холодная; Адам поплотней запахивает пальто.

Двое мужчин замедляют шаг, оглядывая место преступления. Над пустырем яростно носится ветер; вид вдаль перекрывает мост – они стоят прямо под ним, перед чернеющей в темноте рекой. Это строительная площадка, чисто для блезиру огороженная забором из металлической сетки и разномастных досок; с покосившегося плакатика скалится зубастая овчарка. Но никакой охраны. Ничего, что сошло бы за таковую.

² Сотрудники уголовного розыска Соединенного Королевства имеют следующие звания (по возрастанию): детектив-констебль, детектив-сержант, детектив-инспектор, старший детектив-инспектор, детектив-суперинтендант и т. д. При этом звание «главный констебль» (в ряде подразделений – «комиссар») носят руководители высшего звена британской полиции, хотя просто «констебль» – это рядовой патрульный полисмен. – *Здесь и далее прим. пер.*

Адам хорошо знает этот район, в свое время отведенный для реновации, – пока не закончились средства и горсовет не обнаружил, что джентрификация³ осуществима лишь в том случае, когда богачи действительно готовы вложиться. Никто не хочет здесь жить. Вид на воду удручающий: проходящие мимо суда – это в лучшем случае контейнеровозы, изрыгающие дизельный выхлоп. В итоге стройплощадка пуста, что радует лишь окрестных жителей, сбрасывающих здесь свое ненужное барахло, да бездомных, укрывающихся среди гор мусора.

Обоим выдают защитное снаряжение для работы на месте преступления, и они надевают одноразовые белые комбинезоны, перчатки и маски. Переходят через стройплощадку, навстречу прожекторам и суете, по щиколотку утопая в грязи. Адаму нет нужды о чем-то спрашивать – он и без того знает, что их там ждет. Все указывает на труп.

Тот лежит в окружении всякого мусора. Слева на боку валяется старый холодильник, справа – матрас, покрытый какими-то пятнами и насквозь пропитанный влагой. Вокруг хватает и прочего хлама – пустые банки из-под краски, обрывки пластика, старая входная дверь... Тело лежит на спине, облепленное остатками одежды. Никаких указаний на

³ Джентрификация – процесс возрождения центральных частей целого ряда городов Запада. Джентрификация предполагает реконструкцию отдельных кварталов городов, интересных с исторической точки зрения или обладающих преимуществами с точки зрения экологии, с последующим поселением здесь состоятельных людей.

пол – не осталось ровно ничего, способного указать на то, что этот человек некогда из себя представлял.

Лицо практически отсутствует – лишь обрывки окровавленной плоти да совершенно белые кости. Темные дыры глазниц невидяще уставились в небо – обведенные запекшейся черной коркой, грязные, мокрые. Глазные яблоки наверняка исчезли первыми – легкая добыча для птиц. Туловище полностью вскрыто – Адам видит кишки, ребра, прочие внутренние органы. И все это словно безостановочно движется, кишашее личинками, пожирающими гниющее мясо.

– Зверье добралось до него раньше нас, – замечает Джейми. Адам слышит в завалах мусора какой-то шорох. Светит туда фонариком, и несколько пар желтых глазок недобро смотрят на него в ответ.

Он вздрагивает. Долбаные крысы...

– Кто вызвал полицию?

– Какой-то бездомный. – Джейми указывает на разношерстную толпу, переминающуюся в отдалении. – Сказал, что этот мертвяк тут все провонял, и потребовал, чтоб его поскорей убрали.

– Рад, что у них всё в порядке с приоритетами, – отсутствующе отзывается Адам. – От медэксперта уже есть что-нибудь?

– Пока ждем.

Тут, словно по заказу, они слышат позади себя суету, и появляется мужская фигура. Адам мысленно вздыхает. Гос-

поди, пусть кто угодно, только бы не доктор Грег Росс!

И хотя подошедший с головой укутан в защитный комбинезон, Адам может сказать, что Росс испытывает те же самые чувства.

– Вы трогали тело, старший детектив-инспектор Бишоп? – первым делом спрашивает медэксперт, в каждом слове которого сквозит неодобрение.

– Ну конечно же нет! – Это далеко не первое дело Адама, не первый его труп. – Когда мы узнаем больше?

Ответ патологоанатома краток и быстр:

– Когда я буду готов.

Адам едва удерживается от того, чтобы не огрызнуться в ответ, после чего машет Джейми. Они отступают, начиная осматривать окрестности.

Детектив-сержант обводит взглядом горы мусора.

– Ни охраны, ни видеонаблюдения...

– Точно? – Адам указывает на камеру – маленькую черную коробочку рядом с тем местом, где Джейми оставил свою машину. – Сходи-ка глянь.

Джейми кивает и уходит, а внимание Адама привлекает кто-то направляющийся в его сторону. Молодая женщина. В отличие от остальных оперативников на месте преступления, движется она энергичной пружинистой походкой, а ее энтузиазм резко контрастирует с жутковатым окружением. Охваченный любопытством, он идет ей навстречу и ныряет под оцепление, после чего опускает капюшон и маску, стас-

кивает перчатки.

Женщина нетерпеливо улыбается и слегка краснеет, заметив его. Раньше он ее не видел.

– Детектив-констебль Элли Куинн, – представляется она, подойдя вплотную. Официально протягивает ему руку, и Адам пожимает ее, едва сдерживая ухмылку. Ладонка у нее потная.

– И что же вы здесь делаете, детектив-констебль Элли Куинн?

– Меня только что перевели в отдел особо тяжких. Должна была приступить в понедельник, но услышала, что тут что-то происходит. Решила немного помочь.

Адам смутно припоминает, что пару недель назад Джейми и впрямь упоминал про какую-то новую сотрудницу.

– Откуда вы? – спрашивает он.

– Из экономических преступлений, босс. Но всегда хотелось чего-то более... захватывающего.

– Ну что ж, ловите момент. – Он улыбается ей.

Куинн – совсем миниатюрная, с коротко подстриженными светло-рыжими волосами, бледной кожей и веснушчатым носиком. Широко раскрытые огромные глаза делают ее похожей на какого-то персонажа из диснеевского мультика. Чего-то более несоответствующего окружающей обстановке трудно себе и представить. Здесь, глубокой ночью, ветер перебирает ей волосы, придавая щекам по-детски розовый оттенок. Невинный олененок, которого еще не преследуют

призраки безвременно усопших.

Заслышав позади себя какое-то движение, Адам оглядывается на бездомных. Большинство уже разбредаются кто куда, но один остался – явно не хочет терять свой шанс стать свидетелем.

– Доложитесь сержанту Хокстону, – говорит Бишоп, указывая на автостоянку, которую осматривает Джейми. – Он введет вас в курс дела. А теперь, если вы меня простите...

– Да-да, конечно, – поспешно соглашается девушка, и Адам переключает внимание на зевак.

Бездомный колеблется, когда видит приближающегося Адама. Тот идет медленно, избегая зрительного контакта. Мужчина подергивается всем телом, быстро переступая с ноги на ногу, словно нервный пес; одет он в длинное грязное пальто и сбитые высокие ботинки, черная вязаная шапочка низко надвинута на глаза. Адам достает сигареты, засовывает одну в рот и протягивает ему пачку.

Бродяга быстро хватается сигарету грязными пальцами, все еще полуотвернувшись. Адам прикуривает сам, затем передает ему зажигалку. Приходится полностью вытянуть руку, прежде чем тот берет ее.

– Это вы нам позвонили? – спрашивает Адам, глубоко затягиваясь и выпуская дым в холодный ночной воздух.

– Да. – Мужчина стоит боком к Адаму, поглядывая на лагерь бездомных – скопление разномастных ящичков и провисших палаток под мостом. На свое безопасное убежище.

Возвращает зажигалку и жадно затягивается сигаретой.

– Адам, – представляется старший детектив-инспектор, протягивая руку.

Бродяга с подозрением смотрит на нее, зажимает сигарету в зубах и торопливо пожимает ему руку. Потом опять быстро отступает на пару шагов.

– Гарри, – отвечает он.

– Когда вы это заметили? – спрашивает Адам.

– Всего пару часов назад. Джим сказал. – Мотнув головой, мужчина указывает в сторону горстки бездомных, укрывшихся под мостом. – Не хочу, чтобы у него были неприятности.

– Можете на этот счет не переживать, – отвечает Адам, хотя мысленно отмечает имена. – Он никого не видел? Вы, ребята, вообще когда-нибудь видели, чтобы тут ошивались какие-то посторонние люди?

– Не-а. – Бездомный отодвигается от Адама еще дальше.

– Какие-нибудь фургоны сюда не заезжали? Грузовики, которые сбрасывают мусор?

– Было дело.

Он делает паузу, и Адаму ясно, что парень что-то скрывает.

– А все-таки? Что угодно, что могло бы помочь.

Гарри делает еще одну затяжку, и его сразу охватывает приступ кашля, сотрясающий все его тело. Прокашлявшись, он смотрит на Адама желтыми глазами.

– Он... – начинает бездомный, опустив взгляд и ковыряя ботинком в грязи. – Он мертв? Может, нам... А врач...

– Нет, старина. Он мертв. Мертвей не бывает.

– Но... – Гарри указывает назад, на свалку. – Сюда же доктор...

– Увы. Этот доктор уже ничего не может для него сделать. Бездомный качает головой, опять переведя взгляд на землю.

– Нет. Я ничего не видел, – заключает он.

Адам принимает поражение. Даже если б этот малый и поделился чем-то полезным, бродяга – никудышный свидетель. Грамотный адвокат защиты за считанные секунды понаделает дыр в любых его показаниях.

Гарри скашивает глаза на свою сигарету, уже сгоревшую до фильтра.

– Можно еще штучку?

Адам достает пачку и протягивает ему вместе с зажигалкой.

– Держи, – говорит он, после чего роется в кармане. Достает всю имеющуюся у него наличность – несколько банкнот и монет – и передает их бродяге. – Это за содействие.

Тот быстро хватает их и сразу же убегает, нервно оглядываясь через плечо. Адам уже докуривает свою сигарету, когда Джейми направляется к нему.

– Он что-нибудь видел? – спрашивает Джейми, оказавшись рядом с ним.

– Ничего. Странно, что они вообще сообщили об этом. Как ты распорядился нашей новой сотрудницей?

– Элли Куинн? Отправил ее с одним из патрульных на подомовой обход. – Взгляд Джейми возвращается к месту преступления. – Ни к чему ей на все это любоваться, – заканчивает он. – Только не в первый же день.

Адам молча соглашается. Ему нравится новая кровь в команде. Как и Элли, все они увлечены своим делом, отчаянно хотят отличиться. Но она выглядит такой неиспорченной, такой наивной... Мысленно он дает ей три месяца, прежде чем она попросит о переводе. Максимум шесть.

Вслед за Джейми Адам переводит взгляд на мертвое тело, на бесформенные темные кучи мусора вокруг – все это заставляет его инстинктивно содрогнуться, даже с такого расстояния. Нет, совсем ни к чему прямо сегодня же сломать Элли Куинн.

– Как успехи с камерой? – спрашивает он, отвлекаясь от этой мысли.

– Обманка, – отвечает Джейми. – К тому же не слишком-то хорошая – уже с первого же взгляда понятно. Это просто-таки идеальное место, чтобы избавиться от тела. Ни надежных свидетелей, ни домов поблизости. И въезд практически свободный.

Адам кивает, глядя на пустырь, где лучи прожекторов, отражающиеся в битом стекле, лишь подчеркивают весь этот разор, утопающий в грязи. Эксперты-криминалисты еще

снимают слепки с немногочисленных следов шин в раскисшей земле, фотографии уже сделаны. Он поворачивается к Джейми.

– Кстати, как прошел твой медовый месяц?

– Просто замечательно. Калифорнийское солнце, белые песчаные пляжи, голубое небо... – Джейми умолкает, оглядываясь назад – туда, где из-за лежащего на земле тела встанет доктор Росс. – Малость не так, как сегодня.

Медэксперт поворачивается и делает им знак, быстро подняв свою длинную руку. Они идут обратно к нему.

– Мужчина, от тридцати до сорока, – говорит доктор Росс, сразу переходя к делу. – Скорее всего. Мертв не более двух-трех дней, хотя буду знать точнее, когда отвезу его в морг и изучу на предмет заражения насекомыми. Значительный ущерб мягким тканям со стороны мелких хищников – лицо и брюшная полость основательно погрызены.

– Смерть из категории подозрительных? – спрашивает Джейми.

Доктор усмехается.

– Он не своими ногами сюда пришел, детектив-сержант Хокстон. Вскрытием я займусь завтра. Постарайтесь быть ровно к десяти.

И он уходит, не сказав больше ни слова.

– Коротко и ясно, – бормочет Джейми. Адам лишь тяжело вздыхает.

Криминалисты вновь собираются вокруг темной кучи на

земле, фотоаппараты фиксируют место преступления до того, как увезут тело. Худшее место последнего упокоения трудно себе и представить – кишачье крысами и лисами, открытое всем стихиям.

– Даже не попытались его прикопать, – замечает Адам.

– Наверное, убийца думал, что собаки и лисы раздергают тело на части и растаскают их по сторонам, прежде чем его кто-нибудь найдет, – отвечает Джейми.

– Или, наверное, ему было на это попросту плевать.

Но тут что-то привлекает внимание Адама. Раньше он не придал этому особого значения, однако теперь, в полыхании фотовспышек и ярком свете прожекторов, это заметно выделяется среди всеобщего беспорядка и хаоса. Три символа, нанесенных на стенке выброшенного холодильника зеленой краской из баллончика: XII.

Он прищуривается, глядя на них. Они кажутся чем-то совершенно неуместным здесь: идеально прямые на поваленном наборе холодильнике. Прямо над головой у жертвы. Словно некий знак.

– Что ты об этом думаешь? – спрашивает Адам у Джейми.

Но ответа не ждет. Отходит, начиная осматривать пустырь в мечущемся луче фонарика. Слышит шорох разбегающихся крыс, еще какое-то движение в развалах. Джейми следует его примеру, тоже обшаривая взглядом горы хлама.

– Вон там, – внезапно говорит он. – Вернись!

Адам направляет фонарик туда, куда указывает Джейми.

Яркий лучик высвечивает еще три римские цифры.

Он медленно опускает конус света на мусор вниз. Это какие-то отходы со строительной площадки. Деревянные поддоны, кирпичи, куски засохшего цемента... Но цифры – они точно такие же. Зеленая краска из баллончика. XIV.

– Вот же блин... – бормочет стоящий рядом Джейми. – Ты же не думаешь...

Адам поворачивается к месту обнаружения трупа – к сутящимся вокруг него криминалистам, патрульным, технарям, занятым своим делом.

– Эй! – кричит он. Головы начинают поворачиваться к нему. Адам размахивает руками, пока ему не удастся привлечь всеобщее внимание. – Эй!

Суета затихает, все взгляды устремлены на него.

– Вот. – Он указывает на римские цифры, нанесенные краской из баллончика. – Оцепите этот участок земли. И начинайте раскопки. А остальным – осмотреть всю прилегающую территорию. Проверить весь мусор. Ищите еще такие же знаки.

Никто не двигается; все стоят, выпучив глаза.

– Ну же! – опять кричит Адам, и люди оживают. Он вновь поворачивается к Джейми, глаза его над защитной маской кажутся совершенно ошалелыми. – Номер четырнадцать... – После чего опять показывает на первое тело. – И номер двенадцать.

– Ты же не думаешь... – опять заводит Джейми.

– Еще как, блин, думаю! – отзывается Адам. – Там есть и еще.

Глава 2

Вскоре открывается еще одно мертвое тело. Фигура, полностью погребенная под кирпичами и гравием, где крысы не сумели бы до нее добраться. Завернутая в одеяло. Одеяло в нежно-голубую клетку. Женщина в защитном комбинезоне, старшина криминалистов, подзывает Адама, как только одеяло начинают разворачивать, медленно оттягивая за угол. Появляется лицо. Длинные черные вьющиеся волосы. Глаза закрыты, лицо нетронуто.

– Разительный контраст с предыдущим, – отмечает она.

Адаму уже приходилось работать с Мэгги Кларк. Весьма деловитая женщина, грамотная, организованная. В другой жизни она могла бы председательствовать в родительском комитете, организовывать мероприятия по сбору средств на благотворительные цели и народные гулянья, но вместо этого командует своим выводком экспертов и имеет дело с кровью и грязью, а не с тортами и собачьими выставками. Манеры у нее грубоватые, но она быстра и точна. Мэгги нравится Адаму. Что удастся немногим.

– Вид почти что умиротворенный, – отвечает Адам.

Мэгги косится на труп в окружении мусора.

– Как скажешь.

Она быстро улыбается ему, после чего уходит, переключив внимание на что-то еще.

Прибывает группа кинологов. Черно-белые спаниели бегают кругами, явно сбитые с толку.

– Неужели они ничего не могут найти? – спрашивает Джейми.

– Дело не в этом, – отвечает проводник с мрачным лицом. – Они просто не знают, с чего начать.

Находят еще одно тело. В основном кости: фрагменты развалившихся конечностей, растасканные по сторонам. Сверху намалевана римская цифра XVI. К тому времени как обнаруживается четвертый труп, на место происшествия успевают прибыть начальник Адама. Старший детектив-суперинтендант Марш стоит за оцеплением и манит его к себе длинным пальцем.

– Массовое захоронение? – спрашивает он, когда Адам подныривает под ленту. В резком свете прожекторов щеки начальника отдела выглядят более впалыми, чем обычно, бледное лицо кажется серым. Адам кивает, стаскивая с головы капюшон защитного комбинезона и маску с лица.

– Я-то думал, что те времена давно прошли, – заканчивает Марш со вздохом.

Адам похлопывает себя по карманам и чертыхается, осознав, что отдал свои сигареты, и теперь уже сожалея о своем альтруистическом жесте – особенно если учесть, что ночь предстоит долгая. Стоящий рядом с ним Марш достает свою пачку и протягивает ее Адаму.

– Пасиб, – бормочет Адам с сигаретой в зубах, наклоняясь

вперед, когда Марш щелкает зажигалкой.

Оба мужчины на мгновение замирают в тишине, нарушаемой лишь потрескиванием горящего табака и шумом их дыхания, когда они выдувают клубы дыма.

– Явно не тот субботний вечер, который я планировал, – замечает Адам.

Марш стряхивает сигаретный пепел в грязь у себя под ногами.

– Если ты хочешь спрятаться в свободное от службы время, Бишоп, тебе нужно подыскать себе какое-то другое место. Ты ведь не призрачный человек-загадка, ты настолько же предсказуем, как и все мы. И вообще – зачем ты туда ходишь? – Марш делает еще одну затяжку. – Ты не найдешь женщину своей мечты в каком-то зачуханном баре, полном двадцатилетних юнцов.

– Дело не в этом.

Марш фыркает.

– Ладно, без разницы. Рад за тебя, Бишоп. Живи как знаешь.

Возвращается доктор Росс. Проходя мимо, он кивает Маршу, но Адама игнорирует.

– И по-прежнему заводи себе друзей, где только ни появишься, – саркастически заканчивает Марш, швыряя окурок на землю и следуя за патологоанатомом.

Адам смотрит начальнику вслед, докуривая сигарету до фильтра. Облачившись в защитные комбинезоны – Россу

пришлось проделать это во второй раз, – двое пожилых мужчин стали почти неотличимы друг от друга. Оба высокие и худощавые – хотя Адам знает, что фигурой своей Марш обязан хроническому недоеданию и избытку никотина с кофеином, в то время как Росс – настоящая реклама фитнеса, здорового питания и физических упражнений. Вдалеке Адам может различить более крупный силуэт Джейми – детектив-сержант вроде как еще больше раздобрел, счастливо проведя в браке вот уже две недели. Адам еще помнит, что это за удовольствие – пренебрегать общепринятыми стандартами. Помнит те уютные вечера на диване после жирного домашнего ужина с шоколадным батончиком «Дэйри милк» «семейного размера»...

От этих мыслей Адама отрывает крик Джейми. Поднырнув под ленту, он идет к нему.

– Это уже пятый, – докладывает детектив-сержант.

Кинологи собирают собак, виляющих хвостами в предвкушении награды.

– Это точно всё?

– А что, мало? – отзывается Джейми.

Адам мрачно кивает. Уже огораживаются отдельные участки – свои собственные места преступления для каждой из жутких находок. Каждый ярко освещен прожектором и обозначен пронумерованным маркером, дабы избежать перекрестного загрязнения улики. Пять тел в разной степени разложения. Пять человек, которых когда-то любили и о ком

заботились.

Но, несмотря на привычный порядок, Адам ощущает волну дурного предчувствия. Некоторый нервный трепет от вызова, с которым он столкнулся. Он уже имел дело с таким количеством убийств, что не возьмется сейчас все их перечислить. С домашними ссорами, пошедшими наперекосяк, с плохо закончившимися драками в пабах, даже с одним трагическим детоубийством. Но только не с чем-то подобным.

Это уже серьезно.

Поскольку над всеми этими телами – одни и те же римские цифры, нанесенные краской из аэрозольного баллончика, Адаму не нужен патологоанатом, чтобы прийти к совершенно определенному заключению. Номер шестнадцать практически полностью разложился и почти до костей обглодан пирующими крысами, некоторых костей не хватает – видимо, растасканы по норам для продолжения банкета. Номер двенадцатый – тело, найденное сегодня? – все еще на самой ранней стадии разложения.

Адам это понимает, Джейми это понимает... Старший детектив-суперинтендант Марш тоже это понимает, иначе бы его здесь не было.

Убийца ведет обратный отсчет.

И это только начало.

Глава 3

Перед сном она всегда проделывает одну и ту же процедуру. Проверяет обе двери – на переднюю должна быть накинута цепочка, задняя заперта на оба замка. Смотрит, все ли окна закрыты. Повсюду выключает свет – но не раньше, чем выйдет из той или иной комнаты, все еще купаясь в пятне света из соседней. Убеждается, что зажглись воткнутые в розетки светодиодные фонарики ночной подсветки. Ярко и обнадеживающе.

Когда она наконец добирается до спальни, Фил, как обычно, уже лежит под одеялом. Она завидует простоте его жизни. Сегодня по его дыханию можно судить, что он уже почти заснул. Медленному, надежному, размеренному. Она включает ночник рядом со своей кроватью – он детский, но это как раз то, что ей требуется. Проектор-планетарий отбрасывает на потолок звезды, заливая спальню холодным голубоватым сиянием.

Выключив верхний свет, она ложится в постель рядом со своим бойфрендом. Тот перекачивается на бок и притягивает ее к себе, обхватив рукой за талию и переплетаясь с ней ногами. Полная безопасность.

Проснувшись, она сразу понимает: что-то не так. Словно ощущает на себе темноту, укутавшую все вокруг, густую и удушающую. Открывает глаза. Ничего. Дыхание у нее учащается. Ночник выключен – в комнате крошечная тьма. Ее руки шарят над одеялом, пытаюсь найти Филя, но касаются лишь холодных простыней.

И в мгновение ока все возвращается. Чувство одиночества, темнота. Звуки за окном: уханье совы, повизгивание лисы... А потом и еще что-то. Вроде как животное, но при этом и несомненно человеческое. Плач, вскрик боли. Полный тоски и ужаса.

Она лежит в своей постели, неподвижно застыв и вцепившись руками в одеяло; моргает и прищуривается, пытаюсь заставить свои глаза увидеть что-нибудь – хоть что-нибудь в темноте. Наконец набирается сил, чтобы дотянуться до прикроватного столика. Пальцы нащупывают гибкий провод, тянувшийся от лампы, затем пластмассовый выключатель на нем, и она щелкает им. Но ничего. *Совсем ничего.* Она начинает всхлипывать. Сначала тихо, а потом все громче и громче, пока не срывается на крик. Прерывается лишь на то, чтобы судорожно хватить воздуха ртом, и сразу же опять кричит.

И вдруг чувствует рядом с собой чье-то тело. Сильные ру-

ки у себя на плечах. Включается фонарик, луч которого мечется по комнате.

– Ром! Ромилли! – слышит она знакомый голос. – Я только что подошел, прости. Электричество вырубилось. Прости!

Она хватает своего бойфренда за руку, и свет – ее спасение – приходит вместе с ним. Он обнимает ее и крепко прижимает к себе.

– Прости, – еще раз произносит Фил. – Зря я тебя оставил. Я ходил за фонариком.

Он обнимает ее еще крепче, натягивая на них одеяло, укутывая в кокон на кровати.

– Вот, так лучше? – тихо спрашивает он, и она прижимается к его груди, пропитывая слезами его футболку.

Она держит фонарик в руке – сильный поток света, освещающего спальню. Ее спальню. Не *тогда*, а сейчас.

И понемногу, совсем понемногу, начинает чувствовать, что паника проходит. Она в безопасности. Они в безопасности, говорит она себе, медленно проваливаясь в тревожный, беспокойный сон.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Глава 4

Над пустырем встает солнце, а бригады криминалистов всё продолжают копошиться на своих участках. Обработать сразу пять мест обнаружения тел – задача нешуточная.

Марш пару часов назад уехал – вернулся в свой теплый дом с уютной постелью. Вскоре за ним последовал доктор Росс.

Адам сидит в машине Джейми – кофе, принесенный каким-то добросердечным патрульным, давно остыл, и он все еще сжимает пустую чашечку. Рядом с ним на водительском сиденье неловко ссутулился Джейми со своим ростом в шесть футов три дюйма. Его двойной подбородок прижат к груди; он крепко спит, тяжело дыша через нос. Адам тоже устал, но постоянный прием кофеина плюс мысли о том, что ждет его впереди, означают, что он по-прежнему на взводе.

Он собирается с мыслями, морально готовясь к началу расследования множественных убийств.

Легкий стук в окно машины заставляет его вздрогнуть; открыв дверцу, он видит перед собой усталое лицо Мэгги Кларк. С опущенным капюшоном, но все еще в защитном костюме, она присаживается рядом с ним на корточки и утомленно улыбается.

– Спящая красавица все еще в отрубях?

Адам оглядывается – Джейми не двигается.

– Всегда завидовал его способности закемарить где угодно, – замечает он. – Есть чем порадовать, Мэгс?

– Нет, и еще довольно долго не будет. Здесь так много всего – весь этот мусор, который нужно разгрести...

– Ну хоть что-то все-таки можешь сказать? – не отстает Адам.

Мэгги вновь бросает взгляд на огороженные участки, после чего хмурится.

– Неофициально?

Он ухмыляется.

– Неофициально.

– Исключительно навскидку, но все это выглядит очень хорошо продуманным.

– В смысле?

Как и Адам, Мэгги – стреляный воробей. Хорошо начитанная в своей области, она и реальных мест преступлений насмотрелась от пуза, а тому, что нормально, а что нет, научил ее многолетний опыт. По крайней мере, нормально при подобных обстоятельствах.

– Все тела уложены на спину, – продолжает Мэгги. – Головой к... – Она рисует пальцем в воздухе какую-то угловатую фигуру.

– Надгробию?

– Если ты хочешь их так называть, то да. Кто бы ни поместил сюда тела, он явно снабдил их неким посланием. – Мэгги кладет руку на край дверцы, после чего, поморщившись,

встает. – Я позвоню тебе, когда у меня будет что-то определенное. Езжай пока немного поспи.

Адам смотрит, как она возвращается на место преступления, собирая свои непослушные кудри в конский хвост и вновь натягивая капюшон.

Какой тут сон?

Теперь он готов.

Протянув руку, Адам щиплет Джейми за кончик носа. Через миг его заместитель фыркает, а потом вскидывается. Затуманенным взором обводит пустырь.

– Ну и гад же ты, Биш, – бормочет он.

– Надо ехать.

Джейми смотрит на кучи мусора и грязи.

– Ехать? Куда ехать?

– Обратно в отдел. Пора приступать к расследованию этих убийств.

* * *

Несмотря на выходные, в штабной комнате уже полным-полно народу. Адам успел бросить клич: «Соберите всех, кого только сумеете».

По поводу вызова на работу в воскресенье никто не ропщет. Большинство уже видели новости – домыслов со стороны репортеров хоть отбавляй. «Найдены тела. Неопознанные. Ждите подробностей». Никто из детективов не любит

упускать громкие дела, и все понимают, что это вполне может оказаться одним из таких.

Адам встает перед собравшимися и начинает инструктаж.

Пока он сообщает им все, что известно на данный момент, большой экран позади него заполняет наспех составленный план пустыря. С пятью обозначенными на нем телами в разных стадиях разложения – как мужскими, так и женскими. Их патологоанатомическое исследование планируется провести прямо с утра, и Адам выбирает из списка дежурных сотрудника, которому предстоит отправиться в морг и при сём присутствовать. Названный им детектив-констебль тут же отбывает под одобрительные возгласы и свист.

– Итак, – заключает Адам, как только стихает шум. – Давайте начнем с основ. В этом районе нет системы видеонаблюдения, так что установите местонахождение ближайших камер, особенно тех, что установлены на дорогах, по которым можно заехать на этот пустырь и выехать с него. Попробуем получить инфу с системы распознавания госномеров, если она там есть. Тим, – один из констеблей согласно кивает, – разыщи Элли Куинн и свяжись с патрульными, которые проводят подомовой обход. Мне нужны показания от всех, кто хотя бы разок глянул в сторону этого пустыря за последние пару месяцев. Регистрируйте абсолютно всё, даже если это покажется вам несущественным, и сразу сообщайте лично мне, если вдруг наткнетесь на что-то представляющее особый интерес.

Он формирует группу, которой предстоит заняться опознанием жертв, и назначает ее координатором Джейми. Комната наполняется гулом голосов – всем не терпится приступить к делу.

Но Адам успокаивает собравшихся поднятием руки, удерживая их внимание, и все ждут финальной отмашки.

– Пошарьте абсолютно по всем возможным направлениям, – продолжает он. – Сами знаете, насколько важными могут быть первые двадцать четыре часа при расследовании убийства. Люди забывают какие-то события, улики смывает дождем, из систем наблюдения удаляются файлы... Хотя рассчитывать на поиск по горячим следам явно не приходится. Некоторые из этих тел были захоронены уже довольно давно. Но если что-то все еще там, я хочу это получить. – Несмотря на ужасающий характер преступлений, Адам чувствует себя наэлектризованным, осматривая свою команду. – Причем прямо сейчас.

Напоследок кивнув, все расходятся. Бишоп подходит к Джейми и встает рядом со своим заместителем.

– Не переборщил? – шепчет он с улыбкой.

Джейми выпускает тихий смешок.

– В самый раз, – бормочет он в ответ.

Адам позволяет себе небольшую передышку, наблюдая за роящимися в комнате детективами. Сутолока, энергия, драйв... Но, несмотря на удовольствие от театральности происходящего, ощущает прилив беспокойства. Его не отпус-

кает дурное предчувствие. Как будто он угодил в ловушку, запутался в чем-то, что не в состоянии контролировать. И Адам чувствует, как это «что-то» неуклонно тянет его за собой.

В самую пасть ада.

Глава 5

Джейми сидит за своим компьютером – голова медленно опускается на грудь, глаза закрываются. Все-таки уже больше суток не было возможности как следует отдохнуть.

Думает о том, где сейчас должен находиться в последний день отпуска. Лежать на диване с Пиппой, смотреть бокс? Или, может, они выбрались бы куда-нибудь поужинать, а потом неспешно прогулялись рука об руку по лесу?

Джейми лишь качает головой, пытаясь вновь сосредоточиться на работе. Люди мертвы. Убиты. Нужно для начала выяснить, кто они такие.

Он переключает внимание на экран – на данные очередного человека, числящегося пропавшим без вести. Джейми ограничил поиск целым рядом параметров, но таких бесследно исчезнувших людей слишком уж много. И со столь ограниченной информацией на данном этапе мало кого можно исключить.

Джейми оглядывается по сторонам. Его подчиненные тоже с головой ушли в работу. Бишоп разговаривает по телефону в своем кабинете, наверняка пытаясь вытребовать больше людских ресурсов, больше бюджета, больше сверхурочных. Джейми наблюдает за ним, испытывая знакомую смесь восхищения и уважения.

Адам – это машина. Его манера держаться не выказыва-

ет и следа усталости, никаких признаков оцепенелой апатии, которую могли принести за собой долгие годы в отделе по расследованию убийств. Хотел бы Джейми быть хоть немного больше похожим на него... Столь же выносливым и упертым.

Но энтузиазм понемногу угасает – монотонность дает о себе знать. Нужен перерыв. Подловив подходящий момент, Джейми совершает побег. Хватает свое пальто, быстро проходит через двойные двери и выходит на автостоянку. Ему требуется немного пространства. Немного тишины, хотя бы на пять минут.

Машины стоят негусто, напоминая ему о том, что сегодня воскресенье. В открытые проемы бетонной многоуровневой парковки врывается ветер. Вытащив из кармана ключи от машины, он садится в свою и захлопывает дверцу. Пахнет сигаретами – Джейми недобрым словом поминает Бишоп. Потом опускает стекло, несмотря на холод, и звонит своей жене.

Пиппа отвечает после первого же гудка.

– А вот и ты, – говорит она нежным голосом. Он просто не может удержаться от улыбки.

– Да, это я, – отвечает он.

– Ты все еще на работе?

– Да. И это надолго, – добавляет Джейми, но в подробности не вдается. Ни к чему ей знать детали того, с чем он сегодня имеет дело. Слышать про насилие, кровь и убийства.

Он любит свою работу, хотя дело это непростое – пытаться собрать воедино детали головоломки, поначалу беспорядочно разбросанные по столу, найти порядок в хаосе. Даже такие скучные занятия, как рутинный сбор данных и опросы свидетелей, никогда не доставали его так, как достают других. Он знает, что все это во имя добра, но иногда ему хочется хотя бы ненадолго забыть о том, что в мире существуют зло и порок.

Пиппа – это чистота и непорочность в его жизни, сияющий луч солнца, когда он возвращается домой. Джейми представляет себе, как его жена сидит в их гостиной, поджав ноги и укрыв колени пледом, а на заднем плане тихо играет музыка.

Они познакомились шесть с половиной лет назад во время вечеринки с барбекю на пляже, устроенной Адамом.

– Вы полицейский? – спросила тогда она.

День был невыносимо жаркий; с Солента⁴ дул прохладный ветерок, трепавший ее волосы. На ней было желтое платье без рукавов. Ее голые плечи были усыпаны веснушками; он с трудом мог отвести от них взгляд.

– Как и большинство из присутствующих, – ответил Джейми, указывая на скопление людей на песчаном берегу. У кого-то из знакомых Адама был там пляжный домик; да и сам Адам стоял тогда перед мангалом и, размахивая кулинарны-

⁴ Солент – пролив в северной части Ла-Манша, отделяющий о. Уайт от южного берега Великобритании.

ми щипцами, рассказывал какую-то историю. Легкий ветерок разносил аппетитный аромат сосисок и бургеров.

– Но вы... – начала она. – Вы вроде такой приятный человек...

Джейми тогда даже не знал, обижаться ему или радоваться. Уже к концу первого же часа Пиппа убедила его выступить на Дне карьеры в ее школе. А к началу второго он уже был сражен наповал. Сам потом дивился, какого хера ему потребовалось так много времени, чтобы попросить ее выйти за него замуж. Не хватало уверенности в себе? Волновался, как бы привлечение внимания к постоянству их дальнейших отношений не заставило ее очнуться и найти кого-нибудь более подходящего? Наверняка во всем вышеперечисленном. В любом случае она сказала «да» в тот прекрасный вечер, пять лет спустя, когда они вдвоем наблюдали за заходом солнца. После трех бокалов вина предложение вырвалось само собой. Пиппа обняла его, поцеловала в потную щеку и произнесла: «Я уже думала, ты никогда не попросишь, балда ты эдакая!»

– Постараюсь вернуться к ужину, – говорит он сейчас.

– Тогда приготовлю что-нибудь такое, что ты потом сможешь разогреть в микроволновке.

Джейми кривится. Он терпеть не может оставлять ее одну, хотя Пиппа в курсе, что будет просто чудом, если он вернется домой вовремя.

– Нельзя бросать Адама, когда ты так ему нужен, – про-

должает Пиппа. – Ты ведь его преданный заместитель и все такое.

Она произносит это как бы в шутку, хотя они оба знают, что это чистейшая правда. Джейми и Адам крепко дружили еще до того, как Бишоп быстро взлетел по служебной лестнице. И каким-то образом им удалось сохранить эту дружбу.

– Он справится, – заверяет Джейми. – Я и так постоянно при нем торчу.

– Только не превращайся в него, ладно? – отвечает его жена.

Джейми смеется над столь неправдоподобным сравнением себя самого со своим начальником, после чего прощается и оставляет жену наслаждаться оставшимся отпускным днем. Стоит только подумать о том, что он – этот огромный плюшевый мишка, непревзойденный мастер угодить всем и каждому – способен когда-нибудь стать силой, с которой будут считаться, как с Бишопом... Да это просто немыслимо!

Потом ему звонит новый птенчик из его гнезда – Элли Куинн. Джейми она и вправду представляется крошечной птичкой, которая весь день чирикала и порхала вокруг него. Он отвечает на звонок.

– Где вы, детектив-сержант? – спрашивает она. – Нам вроде удалось опознать одну из жертв.

– Нужно было кое-что забрать из машины, – врет он, толкает плечом дверцу и начинает выбираться наружу, все еще прижимая к уху телефон. – Так вроде или наверняка?

– Почти наверняка, – отвечает Элли. – В морге нашли банковскую карту в заднем кармане того, что осталось от шортов номера двенадцать. Это Стивен Кэри из нашего списка без вести пропавших. Его жена заявила о его исчезновении три дня назад.

– Время подходящее, – отвечает Джейми. Он замолкает, услышав на заднем плане какой-то приглушенный разговор, затем из трубки вновь доносится голос Элли:

– Босс говорит: оставайтесь там, где вы сейчас, он идет к вам.

И Джейми опять со вздохом откидывается на спинку водительского сиденья.

Глава 6

Жена Кэри безвольно сникает в дверном проеме, как только они предъявляют свои удостоверения; руки ее взлетают ко рту, в глазах страх.

– Вы насчет Стивена... – шепчет она.

– Да. Не разрешите войти?

Миссис Кэри медленно кивает и проводит их в дом. Они проходят по ярко выкрашенному коридору в гостиную. По полу здесь разбросаны игрушки; двое малолетних мальчишек шумно играют на ковре с пластмассовыми машинками. При появлении визитеров с дивана встает пожилая женщина, лицо у нее скорбное.

Жена представляет ее как свою мать, которая пока переехала к ней, чтобы помогать в отсутствие Стивена. Они обмениваются с ней рукопожатиями, официально и вежливо. Выжидающе.

Женщина постарше выводит мальчиков из комнаты. Жена Кэри предлагает им чай, кофе, воду – Адам и Джейми отказываются. Это совершенно стандартное вступление, обычные светские реверансы, к которым Адам давно привык. Все трое устраиваются на двух диванах, жена – напротив Адама и Джейми.

– Так вы все-таки нашли его? – выпаливает она.

Адам собирается с духом, мысленно включая тот уро-

вень профессиональной отстраненности, который так хорошо служил ему на протяжении многих лет.

– Прошлой ночью у моста Нортбрук было найдено тело. И хотя нам еще нужно провести экспертизу, чтобы окончательно убедиться, мы все-таки считаем, что да, это ваш муж. Сожалеем.

Она медленно кивает, долю секунды соблюдая нормы приличия. Затем губы у нее кривятся, и она закрывает лицо руками, беззвучно тряся плечами. Адам ждет. Слышит, как сидящий рядом с ним Джейми шмыгает носом, и бросает взгляд на своего заместителя. Подбородок у того вроде как тоже опасно подрагивает; Джейми перехватывает взгляд Адама и решительно поджимает челюсть.

Жена поднимает на них покрасневшие глаза.

– Я видела это сегодня утром в новостях... И знала. Знала, что это Стив!

– Не могли бы вы рассказать нам об обстоятельствах его исчезновения, миссис Кэри?

Она шмыгает носом и промокает его салфеткой.

– Да и рассказывать-то особо нечего... Он отправился на пробежку, как и всегда. В четверг вечером. Только на сей раз так и не вернулся домой...

Миссис Кэри поднимает глаза, и Адам кивает, поощряя ее продолжать.

– Сначала я предположила, что он просто решил побегать подольше. Превратил свои обычные три мили в четыре. Но

потом прошел час, стемнело... Я подумала, что он попал под машину или еще чего, поэтому позвонила соседке и попросила ее присмотреть за мальчиками, пока я буду его искать. Но так и не смогла найти Стива на его обычном маршруте. И сразу же позвонила в полицию. Я знала. Это было не похоже на него – уйти куда-то, не предупредив меня.

Адам уже читал заявление о пропаже и последовавшие за ним полицейские рапорты. Человек просто исчез. Ни свидетелей, ни малейшего представления о том, куда он делся. Сотрудники службы, призванной реагировать на подобные заявления, в разумных пределах сделали все возможное, пытаясь отследить его. Пообщались с друзьями, родственниками, обзвонили больницы, но безуспешно. И вот теперь они знают почему.

– А его обычные передвижения? У Стивена был какой-либо четкий распорядок дня?

– Вообще-то не особо...

Она коротко описывает образ жизни своего супруга. Семейный человек, все совершенно обыденно, как у всех. Поездки на работу – он был адвокатом в местной юридической фирме, походы в супермаркет... По выходным водил детей в парк и бассейн.

– Но Стив всегда был просто помешан на своей физической форме, – продолжает она. – Каждый день бегал.

– Каждый день? А во сколько он обычно выходил на пробежку?

– Около восьми. Сразу после того, как дети улягутся спать. И всегда отсутствовал не более получаса. Вот потому-то я и поняла, что что-то случилось. Когда он не вернулся домой.

– А больше ничего странного в последнее время вы не заметили? Чего-нибудь выходящего за обычные рамки – на что вы тогда могли и не обратить внимания?

– Нет. Абсолютно ничего... – Но тут она умолкает, явно задумавшись.

– Миссис Кэри, для нашего расследования может оказаться полезным все что угодно, каким бы мелким и незначительным это вам ни кажется.

– Глупость, конечно... Но вообще странно. Как-то пару недель назад я утром спустилась вниз, и задняя дверь была незаперта. Стив клялся и божился, что запер ее, но тем не менее. И...

– И что? – подсказывает Адам.

– На кухонном полу был песок. Совсем немного, но достаточно, чтобы я задумалась, как он туда попал.

– И это всё? Ничего не украли?

– Да, всё. Просто немного песка. Теперь, когда я вам об этом рассказываю, это кажется полной дурью.

– Нет, спасибо. Это полезная информация. – Адам бросает взгляд на Джейми, который записывает все это в свой блокнот. – Не могли бы вы найти его расческу для волос? Или зубную щетку? Нам понадобится что-нибудь для срав-

нения – это для анализа ДНК. Чтобы мы могли официально опознать тело.

– Я так и думала, что вы об этом попросите... Как это показывают по телевизору, – отвечает миссис Кэри, после чего глубоко вздыхает. – Честно говоря, я рада, что мне не придется самой это делать. Я не хочу видеть его... таким. Я хочу помнить его таким, каким он был, – заканчивает она и опять начинает плакать.

– Да. Это нас вполне устроит, – говорит Адам. Он тоже рад, что ему нет нужды рассказывать ей о том, что случилось с ее мужем. Пытаться дать ей понять, что способны натворить крысы, лисы и личинки. Что у ее мужа больше нет лица, которое можно было бы опознать.

Все еще плача, миссис Кэри встает, чтобы принести зубную щетку мужа, и оставляет их в гостиной.

Адам, глядя на Джейми, шепчет:

– Не думаешь, что кто-то мог вломиться в дом? Чтобы тут осмотреться?

– Не исключено. Только вот зачем? – так же тихо отвечает Джейми. – И где же его все-таки убили? Если б кто-то хотел просто прикончить этого мужика, было бы проще оставить его там, где он упал.

Адам кивает. Он уже читал описание Стивена Кэри: рост пять футов одиннадцать дюймов, каштановые волосы, карие глаза... Деятельный, энергичный... Не такой уж мелкий мужчина, чтобы тащить его на себе.

Они замолкают, когда его жена возвращается с красной зубной щеткой; Адам протягивает ей прозрачный пакет для улик, и она бросает ее внутрь.

– Как он умер? – с мольбой в глазах спрашивает миссис Кэри. Адаму уже доводилось такое видеть. Эту отчаянную нужду хотя бы в крошечной крупице надежды на то, что близкие люди не страдали, что им не было больно.

– Расследование только открыто, – отвечает он. – Скоро мы будем знать больше. Вам назначат сотрудника по связям с родственниками, который всегда будет в пределах досягаемости и сможет держать вас в курсе расследования.

– Но его убили?

– Да, мы так считаем.

– О боже... – Она опять съеживается, обхватив голову руками.

Пожилая женщина возвращается в комнату, ведя за собой обоих мальчишек, – завидев свою мать в слезах, те сразу же замолкают. Адам воспринимает это как намек на то, что пора уходить.

* * *

Они подходят к машине Джейми и садятся в нее.

– Двое детей... – произносит детектив-сержант, пристегивая ремень безопасности. – Ты их видел? Два замечательных мальчугана, которым теперь предстоит расти без отца...

Адам смотрит, как он шмыгает носом, а потом вытирает его рукавом куртки.

– По крайней мере, возьми салфетку, – советует Бишоп. Джейми роется в карманах и вытаскивает одну – старую, скомканную.

– Прости, – бормочет он. – Все это, блин, крайне печально... Просто не понимаю, как тебе это удастся. Сохранять такое спокойствие.

Адам мрачно улыбается.

– Старая закалка.

– М-да, хотел бы я, чтобы хоть что-то из этого передалось и мне... Уж вроде после более чем пятнадцати лет службы в полиции пора бы уже научиться сообщать о смерти близких без слез... – Джейми смотрит сквозь ветровое стекло на дом покойного. – Но мне просто никак не выкинуть из головы, каково это. Когда копы появляются у тебя на пороге с таким известием.

– Да, хорошего мало, – соглашается Адам. Джейми опять шмыгает носом, и Бишоп тихонько хихикает. – Никогда не меняйся, дружбан, – говорит он, похлопывая его по руке.

– Хорош издеваться.

– А я и не издеваюсь, честное слово, – заверяет Адам, когда Джейми недоверчиво смотрит на него. – Ты – моя совесть. Ты тот, кто делает меня человеком. Если б у меня тебя не было, где бы я сейчас был?

– В полном шоколаде. Кум королю, – отвечает Джейми. –

С такой-то уверенностью в себе... С таким-то апломбом... Когда ничто на свете тебя не колышет.

– Вот уж спасибочки! – смеется Адам, но его заместитель невозмутимо смотрит на него.

– Хотя, если серьезно, Джейми, – продолжает Бишоп, – ты и вправду хороший человек. И в результате стал хорошим копом. Если тебе приходится платить за это, иногда пустив слезу перед безутешными родственниками, то это не та цена, которая стоит упоминания.

Джейми мгновение пристально смотрит на него.

– Ты тоже хороший мужик, Адам, – отвечает он, но тот хмурится – эти слова звучат диссонансом у него в голове.

– Ну что, поехали? – говорит он вместо ответа, и Джейми заводит мотор.

* * *

Обратно в отдел едут молча – паузу заполняет радио, а мысли Адама заняты предстоящим делом.

Он достает из сумки досье, составленное службой по поиску без вести пропавших, и еще раз просматривает фотографии, быстро перебирая их одну за другой. На первом снимке – симпатичное улыбающееся лицо. На следующем Стивен Кэри со своими мальчишками. На двух других снимках он на финише десятикилометрового забега – подтянутый и сильный. Джейми прав: такого нелегко одолеть и ута-

щить на себе. Что живого, что мертвого.

– Не думаешь, что его кто-то преследовал? – спрашивает Адам. Джейми на миг отрывает взгляд от дороги. – Следил за ним, изучал его распорядок дня... Воспользовался открытой задней дверью, чтобы осмотреться в доме...

– Не исключено. Тогда убийца точно знал бы, когда его можно похитить без всяких свидетелей. Только вот зачем? Чего в нем такого особенного?

– Что ж... Именно это нам и предстоит выяснить.

Преступник намеренно избрал своей целью именно Стивена Кэри? Адам молча размышляет. Он знает, что чаще всего жертвами серийных убийц становятся те, кто наиболее уязвим: работницы и работники секс-бизнеса, геи, дети и младенцы, сбежавшие из дома подростки и пожилые люди. Стивен Кэри не попадал ни под одну из этих категорий. Или, может, все-таки входил в какую-то из них? Может, у него были свои секреты? Он мог быть далеко не первым женатым мужчиной с нетрадиционной сексуальной ориентацией...

Звонит телефон Адама, прерывая его размышления. Это детектив-констебль из морга.

– Док уже закрывает свою лавочку! – выпаливает тот. – Давайте скорей сюда, босс, иначе он свалит и ничего вам не расскажет!

Адам неистово жестикулирует Джейми, и тот быстро разворачивает машину в сторону больницы.

Глава 7

Когда прибывают Адам и Джейми, Росс все еще на месте, но уже готов «свалить», по выражению детектива: на нем пальто, а в руке портфель.

Он вздыхает, когда видит Адама.

– Как любезно с вашей стороны присоединиться к нам, Бишоп... Полагаю, вы желаете, чтобы я еще больше сократил остаток своих выходных?

– Да. Будьте так добры, – отзывается Адам, стараясь скрыть сарказм в своем голосе.

Росс одаривает его снисходительной улыбкой, после чего делает ручкой в сторону смотровой в задней части зала. Там на столах из нержавеющей стали разложены пять тел; некоторые уже накрыты простынями, готовые к упаковке в мешки для трупов и отправке в холодильник, другие патологоанатомы всё еще зашивают, возвращая внутренние органы на их законные места.

Росс указывает на ближайшее тело.

– Итак, слева направо: номер шестнадцать, который был мертв дольше всех. – Росс смотрит на детективов через плечо, приподняв бровь. – Насколько я понимаю, пока что у нас опознан только Стивен Кэри?

– Мы как раз этим занимаемся.

– Можете не спешить, – пренебрежительно отзывается

доктор. – Итак, на данный момент мы назвали их в соответствии с их порядковыми номерами. Дама номер шестнадцать была найдена почти полностью погребенной под каким-то строительным мусором. Открытые участки тела – такие, как руки и голова, – полностью скелетированы, некоторые части отсутствуют, вероятно растасканные падальщиками. Туловище сохранилось получше, но даже при всех стараниях моих высококвалифицированных коллег его состояние оставляет желать лучшего.

Адам смотрит на тело. Черная плотная строчка стежков делит грудь пополам, сбегая к боку и обходя нечто больше похожее на слизистую кашу. Рядом разложены какие-то серые кости, череп без челюсти пустыми глазницами таращится в потолок.

Росс продолжает:

– Туловище практически полностью вскрыто без нашего участия. Причиной смерти стал геморрагический шок от множественных проникающих ножевых ранений. – Помрачнев, он делает паузу. – И их было довольно много – больше двадцати, по моим оценкам. Ее сердце и легкие практически превратились в кашу.

– И долго она после этого оставалась жива? – У Джейми перехватывает дыхание.

– Недолго, детектив-сержант Хокстон, – отвечает Росс. – Гиповолемический шок быстро привел бы к потере сознания. Поехали дальше.

Он делает шаг вправо и жестом приказывает санитару снять простыню. Тот оттягивает ее назад, чтобы показать мужчине, на сей раз более молодого. Черные волосы, крупное телосложение...

– Пятнадцатому номеру пришлось не так тяжело, – говорит Росс. – Но ненамного. Три проникающих ранения брюшной полости. Снизу вверх, в самое сердце.

Адам присматривается. И впрямь: чуть ниже груди у мужчины виднеются три окровавленных пореза.

– Но это все равно может говорить об особой жестокости преступника? – спрашивает Адам.

Росс кивает.

– Да, и нужно не жалеть сил, чтобы убить человека подобным образом. Ваш клиент был настроен решительно.

Адам ловит взгляд Джейми. Брови у того опущены, лицо все столь же хмурое. Невысказанная мысль между ними: ничего тут хорошего.

– Уже знакомый вам номер четырнадцать, – продолжает Росс, указывая на следующий стол. И опять совсем другое тело. Адам помнит эту женщину со свалки, завернутую в одеяло. – Эта женщина и номер тринадцатый по соседству, мужчина, погибли по одной и той же причине, которой стала кровопотеря от ран, нанесенных вот здесь.

Росс жестом подзывает санитара, и тот приподнимает одну из рук мертвеца – она покрыта множеством порезов. Адам морщится.

– Одно и то же с обеих сторон. У обеих жертв.

– И они в результате истекли кровью?

– Отчасти. – Росс хмурится. – Хотя, судя по притоку крови к порезам, могу предположить, что некоторые из них были нанесены посмертно.

– С какой целью? – удивленно спрашивает Адам.

– Не могу сказать. Чтобы что-то скрыть?

– Татуировку? Какую-то особую примету? – предполагает Джейми.

– И это еще не всё, – добавляет Росс. – Этих двоих связывали. У каждого имеются четкие следы от веревки или чего-то подобного на обоих запястьях и лодыжках. Причем их держали связанными примерно в течение суток, учитывая отсутствие содержимого желудка и обезвоживание. Кровопотеря была медленной. Умерли они далеко не сразу – не исключено, что лишь через несколько часов. Одежда, в которые были завернуты эти тела, я отправил в лабораторию.

– Так что на месте преступления все это будет видно, – говорит Адам Джейми.

– Когда мы это место найдем.

Росс игнорирует их.

– И, наконец, номер двенадцатый. Стивен Кэри. От этого парня мало что осталось. Помните его?

– Ну как такое забудешь?

– Оставлен под открытым небом. Значительная активность животных и насекомых. Я еще жду подтверждения от

энтомолога, но вполне могу предположить, что на момент обнаружения он был мертв уже около трех суток. Это согласуется с вашим заявлением о пропаже?

– Да, Кэри пропал в четверг вечером. Причина смерти?

– Та же, что и у остальных. Кровопотеря, приведшая к обескровливанию. Хотя трудно сказать откуда. К тому моменту, как животные добрались до него, в его теле оставалось не так уж много крови. А теперь уже и от тела не так много осталось, так что на этом всё. И я уверен, что вы хотите знать время смерти по каждому из случаев?

Адам кивает.

– Если опять пройтись слева направо, – указывает Росс, – то трупы становятся все более свежими, причем самый старший пролежал в земле около шести месяцев. Мы отправили на анализ образцы крови, а также мазки со всех пораженных участков.

– Спасибо, – говорит Адам, изо всех сил стараясь, чтобы его благодарность не казалась наигранной. – А еще за то, что проделали все это в воскресенье.

Патологоанатом вздыхает.

– Вряд ли по собственной воле. – Он бросает на Адама долгий взгляд. – Повезло вам с делом – верно, Бишоп?

– Повезло? Что-то я не совсем пойму...

– В смысле карьеры. Все только на вас и смотрят. Как раз как вы любите. В прошлый раз вы упустили свой шанс, а теперь самый момент наверстать упущенное.

Адам старается не обращать внимания на комок раздражения в животе.

– Я хочу того же, что и все, – говорит он после паузы. – Остановить этого типа.

Доктор насмешливо фыркает; Адам свирепо смотрит на него.

Хотя Росс прав. Это расследование и в самом деле привлечет всеобщее внимание – и вышестоящего руководства, и прессы, и коллег в других регионах... Оно вполне способно поспособствовать его карьерному росту, проложив дорогу к званию детектива-суперинтенданта.

– Значит, причина смерти у всех одна и та же? – спрашивает Джейми, отчаянно пытаясь отвлечь обоих мужчин от их взаимной неприязни.

– Кровопотеря, приведшая к обескровливанию, да.

– И все это за последние шесть месяцев... – задумчиво произносит Адам. Он смотрит вдоль ряда тел, размышляя вслух: – Но, кроме места, где они были найдены, между ними практически ничего общего. И мужчины, и женщины... Возрастной диапазон – примерно от двадцати до шестидесяти, верно?

Патологоанатом кивает.

– И полная мешанина, что касается внешности, этнической принадлежности и типа телосложения.

– Короче говоря, разбираться с предпочтениями убийцы будет просто кошмар, – бормочет Джейми справа от Адама.

«Да все это дело – натуральный кошмар», – думает Бишоп по пути к выходу. Ничто пока не поддается никакому объяснению. Пять жертв, цифры над телами... Первых двоих убили быстро, явно в остервенении. А вот остальных связывали и, как предполагает Адам по порезам на запястьях, подвергали пыткам. Оставили медленно умирать. Растягивая их последние мгновения.

«Модус операнди»⁵ преступника явно эволюционирует. И все тела были перенесены после смерти на один и тот же заброшенный клочок земли. Почему? С какой целью? Об этом можно только догадываться. Но, что касается убийцы, Адам приходит лишь к одному выводу: что бы им ни двигало, какова бы ни была его мотивация, останавливаться в ближайшее время он не планирует.

⁵ *Modus operandi* (лат.) – образ действий, характерный для того или иного преступника; преступный почерк.

Глава 8

День для Ромилли начинается как любое другое воскресное утро. Пробудившись, она щурится на свет за занавесками, понимая, что они явно заспались. Беспокойная ночь – уже лишь смутная картинка где-то в самой глубине головы; теплые ноги рядом с ее ногами. Она удивлена, что ее бойфренд еще не встал и не отправился на пробежку.

Ромилли переворачивается на спину и медленно потягивается. Это движение заставляет Фила пошевелиться; его тяжелая рука скользит по ее животу, затем медленно начинает пробираться под тонкую маечку. Она ласково отталкивает его и целует в лоб, заставляя себя сесть.

Фил смотрит на нее из-под тяжелых век.

– Поставишь чайник? – спрашивает он с неспешной улыбкой. – Ну пожалуйста...

– Раз уж вы так любезно попросили...

Ромилли встает. В комнате прохладно, поэтому она хватается ближайшую к ней вещь – толстовку Фила – и надевает ее. Опять же ничего необычного.

Идет в ванную. Моет руки, смотрит на свое отражение в зеркале. Пытается стереть тушь, смазавшуюся с глаза на щеку. Сдернув с запястья резинку, стягивает ею волосы, убрав их с лица.

Электричество опять включилось. При мысли об истери-

ке, которую она закатила ночью, начинает неуютно покалывать в груди – обжигает стыд от того, что сейчас, в белесом солнечном свете зимнего дня, происшедшее тогда кажется чем-то совершенно тривиальным. Никто и ничто не может ее здесь обидеть, только не теперь. Но почему же кажется, что это не так?

Она плетется вниз по лестнице на кухню. Подставляет чайник под кран, наполняет его, включает. Когда вода в нем начинает шуршать, достает из буфета две кружки и кладет в каждую по пакетик чаю. Себе добавляет ложечку сахара – привычка, за которую ее бойфренд, сторонник правильного питания, постоянно ее порицает, на что она уже давно не обращает внимания.

Потом берет свой телефон с кухонного стола, где он заряжался. Бесцельно перебирает приложения соцсетей. Коллеги из больницы отправились вечером поразвлечься, а ее не пригласили. И ничего тут интересного, ничего нового... Роль отверженной больше не действует на нее; на коже у нее не остается следов от их ударов.

Один известный писатель все никак не угомонится в «Твиттере» – опять замутил какую-то дискуссию... Он что, и вправду верит во всю эту галиматью, которой поспешил поделиться, или же это преднамеренная уловка, чтобы подстегнуть продажи книг? Как тут поймешь? Да и плевать. Тем более что его последний роман ей категорически не понравился.

Бессмысленные, бесцельные размышления... Ее мозг еще не проснулся.

Чайник со щелчком выключается. Ромилли кладет трубку и заваривает чай. Раздумывает, что бы съесть на завтрак. Тост? Хлопья? Кладет два ломтика хлеба в тостер.

Потом переключается на новости Би-би-си. Осторожно отхлебывает чаю. И тут видит это. Заголовок, так и взывающий к ее вниманию. Она знает, что нельзя, но что-то так и тянет ее, как мотылька к пламени. К яркому свету, который опалит ей крылья и бросит на землю.

Щелчок по экрану. Загружаются фотографии. Зброшенный пустырь, ночь. Кобальтовый мост, под ним течет глубокая вода, черная, как чернила. Она и раньше видела в новостях репортажи об убийствах и каждый раз внимательно просматривала черно-белый текст. И никогда ничего не находила. Ничего необычного – для убийства.

Но тут...

Что-то тянет. Вспышка узнавания. Яркий огонек, пробежавший по цепочке синапсов, который заставляет желудок инстинктивно сжаться – словно кулак, стискивающий ее изнутри.

Ромилли приглядывается к фото, пытаясь понять, что же привлекло ее внимание в этой мешанине крошечных пикселей. Ничего. Еще раз перечитывает текст. Расследованием руководит старший детектив-инспектор Адам Бишоп. Она предполагает, что именно в этом-то и дело, и печально улы-

бается, но улыбка получается натянутой.

Из тостера выскакивает тост, и Ромилли откладывает телефон в сторону. Берет нож, масло. Джем. Занимается самыми обыденными вещами, но ощущение остается. Словно кусок льда, засевший где-то внутри. Жутковатое замирание сердца. Страх.

Она останавливается. Замирает.

Что-то едва уловимо изменилось. Что-то глубинное, плотно укоренившееся за все эти годы.

Этого просто не может быть, но интуицию не обманешь.

Он вернулся.

Глава 9

Второе из опознанных тел – номер четырнадцать. Женщина, найденная завернутой в одеяло. Ее ближайшие родственники – мать и сестра; слез было много. Луиза Эдвардс пропала без вести три месяца назад, и, глядя на лежащие перед ним материалы дела, Адам видит, что главным подозреваемым тогда был ее бойфренд. Однако против него не нашлось никаких улик, никаких обвинений ему не выдвинули.

«Он был ей не пара, – заявила ее мать сквозь слезы, когда под конец дня Адам посетил ее. На сей раз он предпочел пойти один. – Это все из-за него, она... она...» И разразилась рыданиями. После этого сестра проводила Адама до двери.

«Не верьте слухам о ней, – напоследок сказала она. – Луиза была хорошим человеком. И заслуживает правосудия». Как будто Адам перестал бы искать, если б это было не так...

Сейчас он прикидывает, не стоит ли еще разок заняться этим парнем, вновь сидя за письменным столом в своем кабинете. Штабная комната уже практически пуста, большинство детективов разошлись по домам. Адам читает расшифровку допроса – определение «бойфренд» выглядит явной натяжкой. Если читать между строк, то становится ясно: речь идет не более чем о случайной связи, в результате которой родился ребенок, ныне переданный на попечение социальных служб. Никудышная мать, утверждалось в матери-

алах дела, но Адаму она скорее представляется женщиной, которая нуждалась в помощи. Алкоголь, наркотики, неподходящие мужчины... Печальная история.

Луиза жила одна, в квартире на первом этаже. Судя по всему, детектив, ведущий это дело, считал, что ее похитили как раз оттуда. Луиза совершенно наплевательски относилась к собственной безопасности – задняя дверь оказалась незапертой, когда полицейские обошли дом с обратной стороны.

В кабинет Адама заглядывает Элли Куинн.

– Босс? Справка НПК⁶ по тринадцатой жертве, – говорит она. – Я сбросила вам по электронке.

Имеется в виду Йэн Роудс, пока что последний из опознанных, – и уведомлять родственников о его смерти предстоит сотрудникам совсем другого отдела, по месту жительства погибшего, что Адама втайне радует.

– Есть что-нибудь существенное? – спрашивает он.

– Многократные предупреждения за охоту за проститутками⁷.

⁶ НПК, Национальный полицейский компьютер (*англ.* Police National Computer, PNC), – база данных по всем преступлениям и правонарушениям, совершенным на территории Соединенного Королевства. Обеспечивает доступ и к ряду других баз данных (адресной, регистрации автомобилей и т. п.).

⁷ Попытки снять проститутку в общественных местах или на улице, в том числе из медленнодвигающейся вдоль тротуара машины (*kerb-crawling*), являются в Великобритании административным правонарушением, чреватым штрафом до 1000 фунтов.

– Теперь ему уже это не грозит... – отзывается Адам, после чего поднимает взгляд от открытой на экране справки. – Как первый день в отделе, Элли?

– То, что надо, босс. В смысле, как раз поэтому я и хотела оказаться в вашей команде. Я слышала... – Она замолкает.

– Что слышала? – спрашивает он с ухмылкой.

Лицо у нее вспыхивает.

– Что здесь творится натуральное волшебство.

– Волшебство?

– Ну, в общем... Нежданные признания... Невесть откуда взявшиеся зацепки, позволяющие раскрыть дело... Короче, волшебство.

– Это просто усердная работа, Куинн. И грамотные детективы.

Куинн все еще смотрит на него глазами, полными обожания.

– Спасибо за справку, – коротко говорит Бишоп, намекая, что разговор закончен. – До завтра.

Она опять краснеет, затем кивает и уходит. Адам задается вопросом, не совершили ли они ошибку, взяв ее к себе, всю такую благоговейную и восторженную. Да нет здесь никакого волшебства, особенно в самом начале расследования убийства! Работа допоздна, даже душ принять некогда... Ужин из торгового автомата... При этой мысли он берет лежащий перед ним пирожок, разворачивает целлофановую обертку, откусывает кусочек и хмурится.

– Что, не соответствует твоим обычным стандартам кулинарных изысков, Бишоп?

В дверях стоит Марш. Несмотря на воскресенье, одет он в свой обычный темный костюм с белой рубашкой, густые седые волосы все столь же аккуратно зачесаны назад с вечно нахмуренного лба. Единственная уступка выходному дню – отсутствие галстука и расстегнутый воротничок рубашки, открывающий тощую шею. Тут Адам сознает, что сам он все в той же одежде, что и в субботу вечером, – в рубашке и джинсах, теперь противно липнущих к коже.

– Не думал, что вы еще здесь, шеф. – Адам кладет пирожок обратно на стол, после чего передумывает и выбрасывает его в корзину для бумаг.

– Погряз в бюрократии полицейской службы. В том, от чего тебя берегу. Бумажки, бумажки, так их... – Марш делает паузу. – Есть какие-нибудь приличные зацепки?

– Пока что нет, шеф. Я сразу скажу, когда что-нибудь появится.

Марш и сам это знает. Адам работает под его началом уже довольно давно и хорошо знает правила игры. Поэтому остается лишь гадать, зачем начальник на самом деле здесь. Тот смотрит в пустую штабную комнату, на черные буквы на белой доске, брюзгливо поджав губы. Такой нехарактерно молчаливый.

– Тебе стоит пообщаться со старшим детективом-инспектором Эллиотт. – Марш произносит это тихо, по-прежнему

отвернувшись.

– Простите, шеф?

Он поворачивается к Адаму, лицо его мрачнеет.

– Позвони Каре Эллиотт.

Адам хмурится.

– Мне уже приходилось расследовать убийства...

– Только не множественные...

– Я знаю свое дело.

Марш сурово смотрит на него.

– Тебя нужно подготовить. Ко всему, что в результате может повалиться тебе на башку. И Кара может это сделать.

Адам усмехается.

– Потому что для нее все так удачно сложилось?

– Именно потому, что для нее все так удачно сложилось! – резко парирует Марш. – Кара на собственном опыте убедилась, чем может быть чревато подобное расследование. Я хочу, чтобы ты был к этому готов. Поскольку я ни в коем случае не хочу, чтобы нечто подобное вновь произошло в зоне моей ответственности. Ты меня услышал?

Адам кивает.

– Позвони ей, – заканчивает начальник отдела и быстро уходит в свой кабинет.

Бишоп смотрит ему вслед; тон Марша его задел.

– Прекрасно, – бормочет он себе под нос. Да, он позвонит старшему детективу-инспектору Каре Эллиотт... Но только лишь для того, чтобы точно знать, чего *не* следует делать,

когда запахнет жареным.

* * *

Я всегда долго наблюдаю за всеми ними сквозь оконные стекла – эти яркие диорамы счастья и радости. Смотрю, как они готовят обед, целуют своих жен, разговаривают со своими детьми... Я знаю их как облупленных.

Вижу все их прегрешения, все их лицемерие. Изъяны и пороки, которые они пытаются скрыть.

Я вижу их.

Но они меня не видят.

Ночь нынче холодная. Ветер пробирается сквозь одежду, вызывая дрожь. Но мне нужно быть здесь. Останавливаюсь у окна. Занавески чуть раздвинуты, и сквозь щель видно, что она там, на своем диване. Смотрит в полном одиночестве телевизор, рядом – бокал вина. Вид у нее вроде умиротворенный.

Я не хочу этого. Чувствую укол сожаления. За то, что вскоре должно произойти. Мой «призрак в машине»⁸ абсолютно реален. Это моя ненависть, мой гнев, моя желчность. Мое тело не хочет убивать, но я знаю, что надо. По-

⁸ «Призрак в машине» – метафорическое определение, введенное британским философом Г. Райлом (1900–1976). Смысл его примерно в том, что утверждение, будто разум существует отдельно от тела, равносильно заявлению, что автомобиль движется благодаря какой-то неведомой силе.

тому что у меня есть цель. Впервые в своей жизни я являюсь частью чего-то особенного.

Пока стою на тротуаре, мимо проходит какой-то мужчина. Дружелюбно приветствует меня, когда его собака обнюхивает мою ногу, но я узнаю этот взгляд. Мне нужно уходить. Немного отхожу, дожидаясь, пока он не скроется из виду, а затем сворачиваю в переулок за ее домом. Я хорошо знаю этот район. У всех участков есть ограды с калитками. Калитка передо мной ведет в садик с двориком за домом и к двери, которую она не запирает. К окнам, которые можно распахнуть одним движением руки.

Калитка тоже незаперта. На участке нет автоматически зажигающихся охранных фонарей, способных обескуражить меня своим внезапным свечением. Я медленно иду по ее лужайке.

Заглядываю к ней на кухню. Оставшаяся от ужина пустая тарелка сдвинута в сторону. Бутылка красного ждет второго бокала. Я не могу заглянуть в гостиную, где она сидит, но хорошо представляю, как от нее пахнет, какова она будет на ощупь. Мягкость ее кожи, сладость ее духов...

И сколько времени ей потребуется, чтобы умереть.

Кладу пальцы на ручку задней двери. Медленно нажимаю вниз – та поддается. Это еще один знак. Что она – это то, что надо.

Открываю дверь и прислушиваюсь – она смеется над чем-

то увиденным по телевизору.

Я чувствую свое всемогущество. Свою силу. Переступаю через порог.

Захожу в кухню и закрываю за собой дверь. Осторожно продвигаюсь по темному коридору. Уже останавливаюсь у двери в гостиную, но тут слышу какой-то шум. К дому подъехала машина – ее мужчина. Представляю, как она с улыбкой поднимает на него взгляд. Приветствует его поцелуем и объятиями. Восторженный прием, которому я завидую каждой клеточкой своей души.

Поворачиваюсь, не желая отказываться от задуманного, и поднимаюсь по лестнице. Направляюсь к открытой двери.

Это спальня. Кровать застелена, и я смотрю на тумбочки по обеим сторонам от нее. На одной – две книги в мягкой обложке: исторические романы. Пара очков и ингалятор. На другой – еще одна мятая книжка карманного формата, корешок продран, розовая обложка. Это ее.

Подхожу к ее половине кровати и беру подушку. Подношу ее к лицу и глубоко вдыхаю. Теперь уже я точно знаю, что она – это то, что надо. Ее жизнь – эта прекрасная жизнь, которую она ведет, – заставляет меня сгорать от зависти. Я хочу всего того, что есть у нее. Любви. Душевного спокойствия. Семейного счастья. Я хочу этого.

И я все это получу.

Под подушкой лежит коротенькая женская маечка. Тон-

кая, кружевная. Нежная. Растираю мягкую ткань между пальцами, представляя, что это ее кожа. Совершенная, незапятнанная.

В кармане у меня нож. Простой перочинный нож, но длинный и острый. Легко прячется, быстро извлекается и пускается в ход. Я знаю, что на нем есть кровь и других. Тех, кто показал себя недостойными. Но я знаю, что она не такая. Когда придет время, я сделаю ее последней. Именно так, как она и заслуживает.

Приставляю кончик лезвия к легкой ткани маечки – он легко прокалывает ее. Осторожно проталкиваю его дальше. Чувствую, как она рвется, и представляю себе, что это ее кожа, ее плоть. Провожу ножом вниз, и волнующее чувство предвкушения сдавливает мне горло. Это возжелание, но не грязного плотского сорта. Это нечто гораздо более фундаментальное. Это потребность, таящаяся где-то в самой глубине моей души. Опускаю нож до конца, думая о разорванной коже, о текущей крови.

Слышу крик с кухни. Мужской голос. Спешу к двери спальни и осторожно смотрю вниз по лестнице. Там стоит мужчина с бутылкой вина в руке – спрашивает, но хочет ли она еще бокальчик. Она соглашается; он что-то напевает себе под нос, наливая бокал и себе, а затем уходит в гостиную, прихватив с собой бутылку.

Засовываю ее разорванную маечку в карман, прячу нож. Пулей вылетаю из спальни и быстро сбегает вниз по лест-

нице. Их восторженные голоса заглушают щелчок открывшейся и закрывшейся кухонной двери.

Спиной вперед пячусь из садика, с едва слышным щелчком закрываю за собой калитку. Выхожу на улицу. Вновь приступаю к наблюдению за ними, издали. С холода.

Она думает, что в своем доме она в полной безопасности. И в постели, когда спит. Думает, что никто не может даже прикоснуться к ней. Я продолжаю наблюдать и понимаю.

Не сегодня. Но скоро.

Совсем скоро.

*** * ***

Отчет посмертной судебно- медицинской экспертизы

Дата: 20 ноября 1995 г.

Основная информация

Ближайшие родственники визуально опознали покойную как Грейс Саммерс, женского пола, 34 лет (д. р. 04.04.61). Для официального опознания запрошены стоматологические карты и взяты образцы ДНК. Покойная обнаружена во

флигеле на территории усадьбы «Буки» на Глостер-роуд, смерть констатирована на месте обнаружения. Бригада «скорой помощи» попыталась провести реанимационные мероприятия, но безуспешно. Обстоятельства смерти сочтены подозрительными, что и отражено в соответствующем протоколе. Грейс Саммерс, профессиональная балерина, объявлена без вести пропавшей 12 сентября 1995 г. ее мужем. У супругов был один ребенок 2-летнего возраста.

До своего исчезновения покойная на здоровье не жаловалась. Хроническими заболеваниями не страдала, рецептурных препаратов не принимала. Наличествуют признаки перелома руки, полученного в 13-летнем возрасте, удовлетворительно сросшегося. В теле покойной обнаружена противозачаточная внутриматочная спираль.

Тело было найдено частично одетым в красную футболку и трусики и накрытым постельным бельем. Одежда отправлена на экспертизу; показания супруга подтверждают, что это та одежда, в которой пропала покойная.

Температура воздуха в помещении на момент обнаружения составляла 5 °С, ректальная температура тела – 33 °С при массе тела около 50 кг, что позволяет предположить, что тело обнаружено примерно через восемь часов после наступления смерти – в период между 23:00 и 2:00 в ночь на субботу, 18 ноября. Сообщалось, что при обнаружении тела все еще присутствовали признаки трупного окоченения.

Описание тела

Покойная сильно истощена и обезвожена. Тело худощавого телосложения, белой расы, без татуировок или иных характерных примет. Волосы светлые, средней длины, грязные и спутанные.

На спине и ягодицах заметны гипостатические кровоподтеки, указывающие на то, что после смерти тело лежало на спине. Признаки петехиальных кровоизлияний на коже или глазах отсутствуют.

Линейная рваная рана на правой стороне волосистой части головы длиной около 7 см и вдавленный перелом черепа свидетельствуют о тупой травме головы. При дальнейшем исследовании выявлена крупная экстрадуральная гематома, вызванная повреждением менингеальной артерии и последующим кровотечением в экстрадуральное пространство, способная вызвать острую сосудистую недостаточность и смерть в течение двух-четырех часов с момента ее образования.

На обоих запястьях и лодыжках обнаружены множественные повреждения, свидетельствующие о прижизненном обездвиживании при помощи веревки или каких-либо подобных средств. На спине и ногах покойной имеются инфицированные язвы. На позвоночнике, коленях и руках заметны также линейные подкожные кровоподтеки и ссадины в виде характерного рисунка – сетки из параллельных горизонтальных и вертикальных линий, расположенных с двухсантиметровым интервалом друг от друга.

На лице отчетливо видны следы предыдущих прижизненных травм, в том числе перелом носа и многочисленные ссадины, частично зажившие. На кистях и предплечьях имеется ряд защитных ран, в числе которых вырванные ногти на всех пальцах и переломы промежуточных фаланг как на указательном, так и на среднем пальцах правой руки, а также вывихи суставов.

Обширные кровоподтеки, ссадины и разрывы влагалища и ануса указывают на высокую вероятность неоднократного сексуального насилия, особенно учитывая образовавшиеся рубцы и ряд частично заживших ран. Для последующего анализа взяты мазки из верхнего и нижнего отделов влагалища, а также из цервикального канала.

Причина смерти:

Ia) Экстрадуральное кровоизлияние

Ib) Тупая травма головы

II) Истощение и обезвоживание

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

ПОНЕДЕЛЬНИК

Глава 10

Джейми стонет, когда рядом с ним срабатывает будильник. Шесть утра – это такая рань... То, что казалось столь необходимым прошлой ночью, с утра кажется безумием.

Пиппа тоже стонет и машет на него рукой – мол, сейчас же выключи. Он протягивает руку и берет свой телефон, который все еще громко жужжит. Целая куча сообщений от Бишопа. Джейми игнорирует все, кроме последнего: «Захвати кофейку».

Он представляет себе своего босса: тот явно давно уже на ногах и работает как заведенный. Расследование убийства такого масштаба требует целеустремленности, напористости и драйва, которые и привносит такой человек, как Адам.

За семь лет работы в отделе особо тяжких преступлений, три из которых под командованием Бишопа, Джейми еще никогда не доводилось заниматься чем-то подобным. Он знает, что с Адамом у руля течь их кораблю не грозит. У Бишопа есть свои недостатки, но когда дело доходит до полицейской работы, то можно быть уверенным: не останется ни одного непроверенного уголка, ни одна законная процедура не будет нарушена. Наблюдать за его работой – настоящий мастер-класс.

Джейми быстро принимает душ. Спускается на кухню, ставит чайник, заваривает в чашке чай, приносит ее обратно

в спальню и ставит на тумбочку возле кровати. Потом будит жену, слегка прижавшись губами ей ко лбу. Она смотрит на него затуманенными глазами и улыбается.

– Хорошего тебе дня, – говорит Пиппа, подаваясь к нему для поцелуя. Дыхание у нее со сна несвежее, а растрепанные волосы рассыпались по подушке, но ему на это плевать.

– Постараюсь, – отзывается он.

* * *

На улицах тихо, пока он ведет машину, подпевая звучащей по радио песенке. И пусть даже и знает, что ждет его по прибытии в отдел, настроение отличное. Воспоминания о медовом месяце еще свежи в его памяти, равно как и о том, как ночью его жена свернулась калачиком рядом с ним в постели. Прядь ее волос на затылке, когда он целовал ее, мягкость внутренней поверхности бедра, когда его рука скользнула вокруг, чтобы найти ее... Жизнь хороша, думает он, подъезжая к «Коста», где заказывает из машины шоколадный рулет и кофе.

В ожидании заказа Джейми достает свой телефон и, оставив электронные письма на потом, просматривает новостные страницы. Вот оно, на самом верху... «Возле Нортбрукского моста обнаружены мертвые тела. Подозревается массовое убийство». Журналистские домыслы не заставили себя ждать; он знает, что прямо с утра Марш планирует сде-

лать заявление для прессы. Фотографии сняты издалека – просто чтобы хоть чем-то проиллюстрировать эту новость, – но Джейми хмурится. Все равно можно разглядеть слишком много деталей. Места обнаружения тел, их количество... Даже один номер, нанесенный краской из баллончика. Придется что-то по этому поводу предпринять – сообщить пиарщикам и добиться, чтобы это фото убрали. Последнее, что им сейчас требуется, – все эти психи, которые повалят к ним с ложными признаниями.

Он быстро подъезжает к отделу, паркует машину и смахивает кусочки слоеного теста со своего постоянно растущего пуза. И когда подходит к штабной комнате, вдруг осознает, что уже где-то встречал идущую впереди него женщину, которую сопровождает констебль в форме. На той темно-синие джинсы, коричневые сапоги до колен. Поверх накинуто тяжелое пальто, которое она на ходу снимает и перекидывает через руку. Женщина, которая так и не заметила его, погруженная в собственные мысли, останавливается перед входом в штабную комнату. Полицейский открывает дверь и отступает в сторону. Она проводит рукой по своим волосам до плеч и входит.

Джейми следует за ней по пятам – ему любопытно посмотреть, зачем она здесь.

Женщину проводят прямо в кабинет Бишопа в дальнем конце комнаты. Завидев ее приближение, Адам встает из-за стола, подходит к двери и ждет. Детективы наблюдают за

происходящим; все разговоры в комнате стихают.

К Джейми подходит Элли Куинн, сжимая в руке листок бумаги. Но тут видит, что внимание детектива-сержанта отвлечено, и прослеживает направление его взгляда.

– Старший детектив-инспектор Бишоп... – говорит вошедшая женщина вместо приветствия.

– Доктор Коул... – отвечает босс. По выражению его лица Джейми понимает, что он удивлен, но пытается это скрыть. Благодарно кивает констеблю, и тот уходит.

– Вы хотели меня видеть?

– Да. Это важно.

Тон у обоих чрезвычайно формален, неестественно отрывист.

– Надеюсь. Вообще-то я тут немного занят – на случай, если вы этого не заметили.

– Естественно, заметила! – огрызается она. – Меня бы здесь не было, если б не крайняя необходимость.

Бишоп вздыхает.

– Ладно. Давайте поговорим внутри.

Он отходит в сторону, и женщина заходит в кабинет. Адам закрывает за собой дверь, и разговоры в штабной комнате возобновляются. Спектакль окончен. По крайней мере, для всех остальных.

– Кто это был? – театральным шепотом произносит Элли из-под бока у Джейми.

– Доктор Ромилли Коул, – отвечает он. Смотрит на кофе

Бишопа у себя в руке, но решает не мешать важному разговору и взамен отдает его Куинн. Та берет бумажный стакан, удивленная такой щедростью. Но взгляд ее по-прежнему прикован к закрытой двери.

– Они что, знакомы? – спрашивает она.

Джейми тихонько хихикает, наблюдая за фигурами по другую сторону прозрачной двери. Скрещенные на груди руки, напряженные позы...

– Можно и так сказать, – отвечает он. – Это бывшая жена Бишопа.

Глава 11

Ночью Ромилли почти не спала. А проснувшись, поняла, что должна поговорить с ним.

Фил пристально посмотрел на нее, оторвав взгляд от своей тарелки, с ложкой в руке, когда утром за завтраком она сообщила ему об этом.

– И ты считаешь, это хорошая мысль – повидаться со своим бывшим мужем? – спросил он. – Больше тебе не с кем поговорить?

– Он сейчас ведет это дело. – Ромилли постаралась, чтобы это прозвучало как бы между прочим. – И уже три года прошло. Я уверена, что мы сможем вести себя как цивилизованные люди.

– Это дело о множественных убийствах... – Он опустил ложку в овсянку, медленно помешивая ее. – Ты к этому готова?

– Именно поэтому мне это и нужно, Фил, – ответила Ромилли и вышла из комнаты, чтобы избежать дальнейших расспросов.

Его вопросы ее разозлили. Хотя вообще-то он был прав. Большую часть воскресенья она провела в слезах. Расхаживала взад-вперед, волнуясь, перебирая в голове, что делать. А ее бойфренд всего лишь озвучил ее собственные мысли. В лучшие времена, когда они с Адамом еще были женаты, они

обсуждали его полицейские дела прямо за обеденным столом. В те дни Адам был еще детективом-сержантом – энергичным и амбициозным. Как врач, она могла предложить такой уровень понимания ситуации, который давал ему преимущество в разговорах с начальством. Как то или иное заболевание могло повлиять на мышление преступника? Если жертва была ранена таким-то и таким образом, то как она могла ходить, бегать, разговаривать?

Но вскоре это стало уже слишком, и она попросила его прекратить.

Это было началом конца. Постепенно закрыло дверь перед теми частями его жизни, которые с течением времени лишь увеличивались.

Но это, сказала она себе, сидя в своей машине перед знакомыми серыми стенами отдела полиции, это будет нормально.

А потом взяла свою сумку, расправила плечи и выбралась наружу.

* * *

И вот теперь Ромилли сидит перед ним в его кабинете. Она рада его успеху – он его заслужил. Никто не работает усерднее Адама. Никто так не выкладывается и не обладает таким же пронизательным мышлением. Но при виде его команды в штабной комнате все становится на свои места.

Он достиг такого уровня профессионального признания без ее помощи. Преуспел в своей собственной компании. Оказалось, что ему все-таки лучше жить одному, в конце-то концов.

– Я слышала, тебя повесили, – говорит Ромилли, пытаюсь начать разговор в нужном ключе.

– Да.

– Поздравляю.

– Спасибо.

Еще одна пауза – та пауза в разговоре, которая лишь подчеркивает зияющую между ними пропасть.

– Ты здоров, Адам?

Он улыбается. Первый раз с тех пор, как она вошла, но улыбка едва заметная и натянутая.

– Просто-таки образчик здоровья, – отвечает он.

– Это хорошо. Все еще наблюдаешься у врача?

– Зачем ты пришла, Ромилли?

Она делает глубокий вдох, а затем достает из сумки несколько листков бумаги и кладет их на стол. Сама не знает, с чего начать.

– Я увидела это вчера.

Адам бросает взгляд на текст. Это репортаж Би-би-си-ньюс, фотографии на черно-белой распечатке нечеткие.

– Та-ак... – нерешительно отвечает он.

Ей нужно быстро произнести эти слова, пока у нее не сдали нервы.

– Это он, Адам. Это он!

– Ромилли, – начинает он со вздохом. – Пожалуйста...

– Так и есть. Я знаю, что...

– Пойми, далеко не все с ним связано. Не каждое убийство, не каждая смерть...

– Нет, Адам, послушай...

– Ладно, тогда расскажи мне. Почему ты так уверена?

Ромилли делает паузу. Она целый день копалась в интернете, внимательно прочитывая каждую новостную заметку, каждую статью, которую только смогла найти. И все равно не знает. Не знает, почему неожиданно ощутила себя такой испуганной, такой неуверенной. Словно весь мир вдруг перекосялся.

– Просто я чувствую... – начинает она.

При этих словах его лицо меняется. От сочувствия до едва скрываемого раздражения.

– Просто чувствуешь? Да ладно! Ты себя-то слышишь сейчас? – Он складывает распечатки в аккуратную стопку. Ромилли узнает этот жест – пренебрежение. Разговор окончен.

– Но, Адам...

– Как ты вообще? – перебивает он. – Все еще встречаешься с доктором Джонс?

– Я не сошла с ума!

Адам не отвечает. «Да ну?» – слышит она у себя в голове.

Поскольку если это не безумие, то что же тогда? Адам всегда был самой здравомыслящей стороной в их браке. Чело-

веком, который успокаивал ее, заставлял задать себе вопрос: что реально, а что лишь родилось у нее в голове.

Но сейчас это не его роль. Они разведены; она с Филом.

Фил гораздо лучше ей подходит. Они работают в одном и том же месте – он хорошо понимает, с какими трудностями приходится иметь дело, работая в Национальной службе здравоохранения, пусть даже он инструктор по лечебной физкультуре, а она онколог. Адам слишком много пьет. И никогда не занимается спортом, в отличие от ее нового бойфренда, для которого это едва ли не культ. Она знает, что тело у Фила гораздо привлекательней, хотя Адам никогда не был дряблым. Жилистый и гибкий, с метаболизмом, сжигающим энергию от одного лишь голого драйва. И раньше, в самом начале...

Ромилли вдруг замирает. Что это за запашок? Которым пропиталось все вокруг... И впрямь: на столе у Адама она замечает пачку сигарет и зажигалку.

Ромилли выпрямляет спину.

– Ты опять куришь? – восклицает она громче, чем намеревалась.

На лице у него мелькает виноватое выражение, прежде чем смениться гневом.

– А это-то тут при чем?

– С твоей-то историей?

Он расправляет плечи – вызывающий жест.

– Ты не в том положении, чтобы указывать мне, что де-

лать, Милли.

– Как твой врач...

– Ты не мой врач. Только не сейчас. И никогда им не будешь.

Она чувствует, что напряглась всем телом. Пристыженная его недоверием касательно убийств, ловит себя на том, что легко поддается знакомому раздражению.

– Ты ведь понимаешь, насколько это глупо, верно?

– Да. Это всегда было моей главной проблемой. Глупость. Глупо было доверять тебе тогда. Глупо позволять тебе тратить мое время сегодня.

– Пожалуй, мне пора...

– Да. Изволь.

Ромилли пристально смотрит на него. Челюсть у него сжата, глаза прищурены. Всякой доброжелательности по отношению к ней как не бывало. Он безмолвно тычет пальцем в сторону двери.

– Ладно...

Она быстро поворачивается и широкими шагами пересекает штабную комнату, чувствуя на себе пристальные взгляды детективов. Но не останавливается. Быстро спускается по лестнице, а из приемной решительно шагает прямо к своей машине. Распахивает дверцу и бросается на сиденье, едва сдерживая горькие слезы.

Какой же он гад... Ничего не изменилось. Этот тип... этот *долбаный* тип...

Зря она позволила выбить себя из колеи. Никто другой не способен так разозлить ее. Сейчас они не женаты, говорит она себе. Ей лучше без него. Он не воспринял ее всерьез. Он не слушал.

Ромилли знает, что ее раздражение из-за его курения было просто попыткой отвести вину. Она в ярости на саму себя. За то, что позволила этому взять верх – опять! – позволила ему доминировать в ее жизни, как это было в течение многих лет. Адам был прав, когда вышвырнул ее вон. Был прав, когда не поверил ей.

Она идиотка. Безмозглое существо. Истеричка. И была такой перед Адамом. Ромилли чувствует, как румянец стыда заливает ей лицо. До чего же унизительно... Как она могла быть такой дурой?

– Блин! – кричит она, ударяя трясущимися ладонями по рулю. – Блин!

Глава 12

Направляясь к двери своего кабинета, Адам чувствует на себе пристальные взгляды своих подчиненных, и захлопывает ее с такой силой, что дребезжит стекло, после чего откидывается на спинку кресла, ощущая, как у него сжимаются челюсти. Как она все еще может так его достать? Как?!

Прошло уже много лет с тех пор, как они расстались. И много лет с тех пор, как официально развелись. Он мысленно возвращается в тот момент, когда видел ее в последний раз. Пару лет назад. Вспоминает званый ужин у Джейми и Пиппы – оба были приглашены, оба пытались убедить себя, что могут без проблем находиться друг с другом в одном помещении. Естественно, все закончилось скандалом. Ромилли вся в слезах, Джейми мягко намекает Адаму, что, пожалуйста, ему стоит уйти. Но это была, блин, не его вина, что они разбежались!

Слышится тихий стук в дверь, и из-за нее просовывается голова Джейми.

– Всё в порядке, босс? – спрашивает он.

Адам вздыхает.

– Сам-то как думаешь?

Джейми входит в кабинет, закрывая за собой дверь.

– Чего она хотела?

– Она считает... – Адам не хочет сегодня тешить ее па-

ранойю. У него и так забот полон рот. – Не бери в голову. Ничего интересного.

Тут он замечает на столе перед собой пачку сигарет, хватает ее и бросает в ящик стола.

– Просто предположение. Не более того. – Делает глубокий вдох. – Есть какие-то новости?

– Из лаборатории привезли одеяла, в которые были завернуты тела. Хлопок с полиэстером, «Маркс энд Спенсер». По всей стране продано с полмиллиона таких.

– Просто замечательно, – саркастически отвечает Адам.

– Однако есть несколько старых пятен, которые, как полагают, никак не связаны с телом. Результатов анализа пока нет. Плюс немного каких-то волокон. Их сейчас тоже исследуют. – Прислоняясь к стене, Джейми делает паузу. – Система видеонаблюдения –дохлый номер. Слишком уж много маршрутов на эту свалку и обратно. Хотя если мы будем знать, какой конкретно автомобиль ищем, то, может, сумеем его найти. Но на данный момент... – Он ковыряет прилипший к стене кусочек синего скотча, затем мнет его в пальцах. – Слишком уж много возможных вариантов.

– Еще кого-нибудь удалось опознать?

– Пока что получилось лишь сузить список возможных кандидатур.

– Что с подомовыми обходами?

– К сожалению, пока ничего, босс. Только шквал жалоб по поводу незаконного сброса мусора.

Адам хмурится.

– А его изучали? Этот мусор? Не покопались в нем – может, получится отследить источник?

Джейми задумчиво кивает.

– Если мусор удачно сбросили один раз, то поняли, что могут сбросить его опять?

– Вот именно. Или, по крайней мере, кто-то мог что-то увидеть... А если как следует поднажать? Угроза солидного штрафа способна быстро освежить память.

– Сейчас займемся, – отвечает Джейми. Поворачивается было к двери, но Адам останавливает его.

– И съезди навести того бойфренда. Друзька Луизы Эдвардс. Вполне годная кандидатура на роль подозреваемого, достаточно конкретное направление расследования, которое можно разрабатывать. По крайней мере, хоть кого-то можно будет исключить.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас. Возьми с собой Куинн. Я позвоню, как только вы будете в пути, и введу вас в курс дела касательно того, что мне известно.

Улыбнувшись, Джейми шутливо отдает честь, после чего оставляет Адама в одиночестве.

Тот берет листок бумаги, который Ромилли оставила у него на столе. Ну и что тут нового? Она видит *его* во всем: в каждом пропавшем человеке, в каждой подозрительной смерти. И вряд ли стоит ее в этом винить. Подобная травма,

так глубоко укоренившаяся... Это шрам на всю жизнь.

Хотя на первый взгляд выглядела она чертовски хорошо. После того как он не видел ее много лет, появление Ромилли у него в кабинете стало для него шоком. Мгновенно вернулись прежние чувства. Тепло по отношению к ней, забота и участие. Даже любовь – но также обида за предательство и горькая боль отвержения.

Адам сминает оставленный Ромилли листок бумаги в комочек и бросает его в мусорное ведро. Промахивается – тот отскакивает от стены и останавливается под шкафом. Он оставляет его там. Где ему и место.

С глаз долой, из сердца вон.

Глава 13

Незапланированный прием без предварительной записи, прибереженный на крайний случай. Но случай как раз из таких.

Ромилли нажимает на кнопку домофона. Рядом с большой, выкрашенной в красный цвет дверью между двумя белыми оштукатуренными колоннами, рядом с золотой табличкой всего с тремя именами. Она находит такую расточительность обнадеживающей – эти люди знают свое дело.

Ромилли сразу проводят внутрь, мимо пациентов в разом притихшей приемной, и такая спешка вызывает понимающие взгляды.

Одна из *этих*, говорят их лица. «Как хорошо, что мне не так плохо, как ей!»

Она садится в той же, что и всегда, комнате, в ставшее уже почти привычным кресло. Ждет, разглядывая аккуратные книжные полки с томами по психологии, сертификаты на стене, геометрически упорядоченный письменный стол с белым эпловским компьютером на нем. Здесь нет ни пробковых досок, улепленных благодарственными открытками, ни фотографий. Никакого намека на индивидуальность со стороны женщины, которая знает о ней практически все.

Ромилли вспоминает свои первые дни здесь, в консультационном кабинете номер два. Этот плач. Эту истерику. Ры-

дания столь сильные, что потом еще несколько часов болело лицо. Доктор Джонс кропотливо вскрыла годы глубоко укоренившейся душевной травмы, а затем успокаивала, увещевала и наставляла Ромилли, превратив ее в полноценного человека, которым та является сегодня.

Но теперь вот это... Новая бредовая иллюзия. Ромилли тревожится, что все это вернется.

Входит доктор Джонс. Улыбается, ставя на стол справа от себя стакан с водой. Ромилли всегда завидовала доктору Джонс. Ее спокойствию, ее освежающей ауре деловитости и уверенности в себе. Волосы у нее аккуратно собраны в узел на затылке. Ни одна прядка не выбивается, нет ни намека на завитки.

Они сидят друг против друга. Доктор выжидающе кладет руки на колени.

– Спасибо, что так быстро сумели меня принять, – начинает Ромилли.

Доктор Джонс кивает.

– Конечно. Я рада, что вы подумали обо мне.

Наступает долгая пауза. Тиканье часов на стене заставляет Ромилли осознать, сколько времени тратится впустую. Но она не знает, с чего начать.

– Начните с того, что вы сейчас чувствуете, – говорит Джонс, словно прочитав ее мысли.

– Растерянность. Тревогу. Тоску.

– Ладно... – Доктор делает паузу. – Тогда почему же я

этого не вижу?

– В каком это смысле?

– По крайней мере, со стороны. – Джонс мягко улыбается. – Большинство людей, которые просят о срочной встрече, всегда как-то демонстрируют свои чувства. Плачут, не находят себе места... Если что, то вид у вас скорее рассерженный.

Ромилли всегда нравилось то, что Джонс никогда не разговаривает с ней свысока. Они обе врачи – умные женщины, – и Джонс относится к ней как к таковой.

– Да, я сердита, – признает Ромилли. – Сегодня я виделась со своим бывшим мужем.

– Адамом?

– Да.

– И какие чувства вы испытали? Опять оказавшись рядом с ним?

Ромилли пробует припомнить. Выглядел он так же, как и всегда. Та же стрижка – может, разве что чуть длиннее, но это ему идет. Чуть больше седины, больше морщин на лбу, но, как бы он себя ни вел, это ему к лицу. И Адам назвал ее «Милли». Как раньше. Он единственный, кто так к ней когда-либо обращался, и сейчас это в равной степени и радует ее, и приводит в бешенство.

– Противоречивые, – отвечает она наконец. Психотерапевт склоняет голову набок, ожидая, когда она раскроет эту мысль. – Он все такой же...

Ромилли делает паузу, подыскивая нужное слово. Так и тянет сказать «привлекательный», «симпатичный», но не хочется, чтобы доктор Джонс видела в ней такого человека. Поверхностного. В его привлекательности всегда было нечто большее, чем просто внешность.

Ромилли знает, что Адам по-прежнему холост. Она все еще общается с Пиппой, а Пиппа передает все сплетни от Джейми. Судя по всему, Адам легко заполучает женщин. «Не совсем уж блядун, но близко, – нахмурившись, сказала как-то Пиппа. – Однолюбом его точно не назовешь. И правильно, что ты избавилась от него», – добавила она при этом, тогда как Ромилли знает, что Адам никогда чем-то подобным не отличался.

Тут она чувствует укол ревности, представив Адама с другими женщинами, и заставляет себя сосредоточиться на куда менее привлекательных чертах своего бывшего супруга.

– Он приводит меня в бешенство, – говорит Ромилли. – Да, он умный, успешный. Все, что меня в нем в первую очередь привлекало. Но теперь я также замечаю и его высокомерие. И что он по-прежнему видит во мне того ужасного человека, который его подвел.

– Он так и сказал?

– Нет, но я сама могла бы это сказать. И он жалеет меня. Считает взбалмошной недотепой, просравшей собственную жизнь.

– А сами вы считаете себя взбалмошной недотепой?

– Нет. Как правило, нет. – Ромилли опять ощущает укол стыда, припомнив, в какое неловкое положение поставила себя перед Адамом. – Наверное, разве что сегодня, – тихо добавляет она.

– И что же сегодня произошло? Зачем вы ходили к нему?

– Он ведет это дело об убийствах. Тех, что у реки. И я подумала... Я...

– Вы подумали, что это дело рук того человека.

– Да.

– Почему?

– Ну... и сама точно не знаю. Просто почувствовала.

Ромилли чувствует себя по-дурачки, повторяя это сейчас. Естественно, Адам не стал ее слушать. Он из тех, кто имеет дело лишь с неопровержимыми уликами. С железными доказательствами.

– И он не воспринял вас всерьез? – отзывается Джонс.

– Да. И теперь меня тревожит, что он прав. Что я опять это делаю.

– Из мухи слона?

– Да. Подаю это так, будто все это сугубо личное дело между мной и *ним*. Все, что произошло тогда, в девяносто пятом.

– И чем это отличается от вашего поведения в прошлом?

– Сейчас я чувствую себя лучше. Но что, если это только начало? Очередного подобного эпизода?

– А что, если нет? – спрашивает доктор. – А вдруг вы правы?

Ромилли останавливается. Единственное, о чем она со вчерашнего утра думала, – это как бы успокоиться. «Тебе все это мерещится. Это не он». Как такое может быть? Реакция Адама лишь подтвердила, что у нее что-то не в порядке с головой. Но теперь, после заявления доктора Джонс, она смотрит на происходящее с другой стороны.

Та тем временем продолжает:

– Вы знаете это дело лучше кого-либо другого. Вы сами это пережили. Вы все видели своими собственными глазами. Что-то в этом новостном репортаже пробудило воспоминание – что-то, что скорее вас встревожило, чем вывело из себя. Вызвало решимость, а не истерику. В чем разница?

– Но... но... – заикается Ромилли. – Как такое может быть?

Джонс пожимает плечами.

– Вы же врач. Вы привыкли применять свой интеллект, исследуя симптомы. Выяснять причину. Копните немного глубже. И если все это ни о чем, то вы сами поймете, что нужно просто благополучно об этом забыть. Но если нет...

Она оставляет фразу незаконченной. Если это что-то значит... Если она права...

Тогда эта мысль слишком ужасна, чтобы ее вынести.

Раньше

Колени у него прижаты к груди, спина изогнута, голова упирается в колени. Он уже довольно давно пребывает в та-

кой позе, хотя время здесь не имеет никакого значения. Вокруг крошечная тьма.

Его тоненькая футболка и шорты не спасают от холода. Ветер сквозняками проникает сквозь щель в двери, сквозь половицы и стенки. Он весь дрожит. Моча вокруг него пахнет отчаянием, ненавистью и поражением. Поначалу благословенное облегчение, быстро сменившееся тоскливым унынием.

Тупая ноющая боль, зародившаяся в пояснице, начинает понемногу распространяться дальше. Он меняет позу, пытаясь унять ее пульсацию, но при этом мышцы пронзает вспышка острой боли. Тело словно завязалось в тугие узлы, которые невозможно ослабить и которые заставляют его стискивать зубы. Он слишком долго пробыл в такой позе. Мышцы начинают сводить судорогой, и он массирует икры пальцами. Это не помогает. Только возможность потянуться, вырваться отсюда принесет какое-то облегчение.

Но он знает, что сопротивляться нельзя. Равно как протестовать или жаловаться. Тишина – его единственный друг. Тишина и слезы, стекающие по щекам. Он неловко меняет позу и вытирает их. Поплакать можно позже. Когда станет еще хуже. Потому что дело явно идет к худшему.

Он слышит стук. Два быстрых мягких удара во входную дверь, рядом с его шкафом. Затем шаги в тяжелых ботинках. Дверь открывается; новый порыв холодного воздуха проникает внутрь, холода кожу. Слышны голоса. Вначале отца,

а потом другой, женский.

У него перехватывает дыхание. Он узнает этот голос – это его учительница из школы. Приятная дама с мягким голосом, от одежды которой пахнет летними лугами и радостью. Она здесь, в его доме. Но почему? Он с усилием подается к запертой дверце, стараясь не обращать внимания на новый прилив боли, пронзающий сведенные мышцы. Они разговаривают. И говорят о нем. Он не может расслышать все до последнего слова, но улавливает у нее в голосе беспокойство – он не был в школе, всё ли в порядке? Затем голос отца – такого тона он еще не слышал. Почти... доброго. Заботливого. Отец смеется, в ответ слышится хихиканье. Надежда сменяется отчаянием. Входная дверь закрывается. Это был не тот, кто мог бы его спасти. Это подтверждение: они одни. В аду.

Опять шаги, по полу снаружи. На сей раз они останавливаются. Шарканье. Он представляет, как его отец стоит за тоненькой деревянной дверцей и размышляет. Смотрит на часы.

Он слышит скрежет мебели по полу, сигнализирующий о том, что скоро его освободят. Но никакой свободы ему не светит. Настоящий ужас еще впереди.

Глава 14

Наконец оказавшись дома, Ромилли рада, что Филадельфия здесь нет. Новое решение окончательно оформилось в голове: последовать совету доктора Джонса. Покопаться в том старом деле. Встретить свою паранойю лицом к лицу.

Сегодня у нее выходной, в больницу не надо. Заняться все равно больше нечем. Она открывает потолочный люк, опускает из него лесенку и достает с чердака пластиковый контейнер со старыми папками. Пыль и паутина оседают у нее на волосах. Спустившись вниз, ставит его на кухонный стол. Ящик Пандоры... Только открой его, и кто знает, какие воспоминания вырвутся наружу. Но доктор Джонс права. Теперь она – другой человек. Теперь она сильнее.

Два часа. Она отведет на это ровно два часа. Не больше. Ромилли собирает с духом, включает чайник, но тут замечает ключ, торчащий в замке задней двери. Дергает за ручку – дверь открыта – и ощущает дрожь беспокойства, тихо проклиная себя за то, что, уходя, не проверила дверь. Запирает ее, после чего, приготовив себе чашку чая, несет ее в свой кабинет. Потом идет за коробкой. Ставит ее на стул рядом с письменным столом.

Ее кабинет – самая маленькая комната, в самой глубине дома. Не больше кладовки – места хватает лишь для книжного стеллажа и письменного стола, – но Ром это всегда нра-

вилось. Полки забиты медицинскими журналами и учебниками, папки и листки с заметками кучами свалены на полу.

Она открывает крышку контейнера. Стопка разномастных бумаг смотрит на нее оттуда в ответ. Все, что в свое время было собрано и убрано с глаз долой. И, перебирая листок за листком, Ромилли приступает к делу.

* * *

И только когда слышит, как хлопает входная дверь, а Фил окликает ее, она понимает, что прошло уже несколько часов. Так и не тронутый чай давно остыл. Обед пропущен и забыт.

– Ты тут? – опять кричит Фил, и она отрывается от коробки.

Ромилли оглядывается по сторонам. Бумаги теперь устилают не только поверхность письменного стола, но и пол. Фотографии. Пожелтевшие, хрупкие газетные вырезки. Ее дневник тех расплывчатых, запутанных дней, последовавших за преступлениями того человека. Никуда она так и не продвинулась.

– Я здесь! – неохотно кричит Ромилли, после чего слышит приближающиеся шаги. Ее бойфренд просовывает голову в дверь кабинета.

Одет он в серо-черный спортивный костюм, в который переоделся еще в больнице. Фил останавливается в дверях, слегка приоткрыв рот.

– Как прошел день? – спрашивает она у него, стараясь, чтобы это прозвучало как обычно.

– Все по-старому, – медленно отвечает он, после чего проходит в комнату, наклоняется и целует ее. От него пахнет шампунем; волосы у него слегка влажные после душа, который он принял после занятий в спортзале. Ромилли видит, как Фил смотрит на заметки, спешно нацарапанные в лежащем перед ней блокноте и больше похожие на каляки-маляки психбольного, и быстро захлопывает блокнот.

– Как все прошло? – спрашивает он.

– Адам в своем репертуаре... Он выставил меня вон.

– Так ты... – начинает он. – А это еще что?

– Я встречалась с доктором Джонс. Она посоветовала мне довериться своей интуиции.

– Посоветовала тебе... – Но тут Фил умолкает. Все дальнейшие вопросы оставляет при себе. Не хочет знать или ему все равно? Непонятно. – Как ты насчет карри на ужин? – спрашивает он взамен.

Ром кивает, и Фил уходит на кухню. Она смотрит ему вслед, любясь его энергичной походкой, упругостью шага. У Фила тело как у тренера по фитнесу, а энергия достойна мужчины вдвое моложе его. «Это была бы не лучшая реклама моей работы, – любит говаривать он. – Что это за инструктор по лечебной физкультуре, который даже за самим собой присмотреть не может?»

Фил не только регулярно посещает спортзал, но еще и бе-

гает. Купается в море в канун Нового года. Занимается серфингом – даже на жалких английских волнах. Часами катается на велосипеде. При одной только мысли об этом Ромилли уже заранее чувствует себя измученной.

Она слышит, как на кухне включается радио. Продолжать уже нет желания – в голове такой же кавардак, что и раньше. Собрав бумаги, Ромилли следует за Филом. Тот уже успел разложить на кухонном столе овощи, которые понадобятся для приготовления ужина; она достает деревянную доску и нож и начинает их нарезать. Это давно устоявшийся порядок: он здесь шеф-повар, а она лишь на подхвате, – и ей это нравится. Пока они вместе занимаются готовкой, Фил рассказывает ей, как у него прошел день. В том числе о своей новой пациентке – помешанной на тренажерах симпатичной молодой мамаше, которая потянула плечо в «качалке».

– Я понял это еще в тот самый момент, когда прикоснулся к ней, – говорит он. – Перетренированность и плохая техника. Посоветовал ей отдохнуть как минимум неделю.

– Но это был не тот совет, за которым она пришла? – спрашивает Ром, передавая ему нарезанный лук.

– Нет. Она пытается сбросить вес, хотя одному богу известно зачем. Я сказал ей, чтоб она перестала заменять углеводы бутылкой красного, и она ушла.

– Раз в неделю бутылочка красного – это не так уж и плохо.

– Не в неделю, Ром, – говорит Фил, поворачиваясь к ней с явным удивлением на лице. – Раз в день. Каждый вечер.

Ром смеется и придвигает к нему остальные нарезанные овощи. Он сыпает их на сковородку, добавив специи. Она рада этой беседе, отвлекающей ее от навязчивых мыслей. Восхитительный запах тмина и имбиря наполняет воздух, и желудок у Ром урчит в ответ.

Если не считать краткого упоминания в самом начале, Фил больше не спрашивает, как прошел ее день. Но теперь, за сливочно-кокосовым соусом и карри из сладкого картофеля, она больше не может сдерживаться.

– Доктор Джонс говорит, что я могу быть права, – начинает она.

Фил поднимает голову.

– М-м-м?

– Касательно своих предчувствий насчет этого дела. Мне просто нужно точно выяснить, в чем причина.

Фил кивает, уставившись в свою тарелку и медленно жуя. Наконец спрашивает:

– А стоит ли?

Ромилли знает: задает он этот вопрос лишь потому, что любит ее, но все равно чувствует укол раздражения.

– Это почему еще? Потому что это как-то связано с моим прошлым или потому что затрагивает моего бывшего мужа? – парирует она резче, чем намеревалась.

– По обоим этим причинам, Ром, – серьезно отвечает он. – Я незнаком с Адамом, но, судя по тому, что ты мне рассказывала, под конец вам обоим было не слишком-то хорошо

вместе.

Фил кладет нож и вилку на стол. Тянется, чтобы взять ее за руку, но она отстраняется.

– И ты так старалась оставить происшедшее позади... Так что, опять все это выкапывать? Что ж...

Мысль остается незаконченной, но Ром знает, о чем он сейчас думает. О ночных кошмарах, ее боязни темноты...

– Даже если я ошибаюсь, – мягко произносит она, – мне нужно знать точно.

Фил поднимает голову. Мгновение изучает ее лицо, затем медленно кивает.

– Как скажешь, Ром, – говорит он.

Ужин заканчивают в молчании. Ромилли чувствует его неодобрение. Но он знает, что нет смысла вступать в спор и что-то доказывать – он уже высказал свою точку зрения и она твердо все решила.

Покончив с едой, Фил берет свою тарелку, а затем останавливается, стоя у нее за спиной.

– Когда-нибудь, со временем, ты освободишься от него, – говорит он, кладя руку ей на плечо. Ром понимает, что сейчас речь идет не об Адаме. Накрывает его пальцы своими и сжимает. – В один прекрасный день тебе перестанет казаться, что он навеки запечатлелся в твоем мозгу.

– Надеюсь на это, – отзывается она.

Фил начинает прибираться на кухне. Доедая свой ужин, она наблюдает за ним, испытывая прилив нежности. А потом

вдруг замирает. Вилка ее на миг зависает над тарелкой, после чего Ромилли со стуком кладет ее на стол. Бежит по дому обратно в кабинет и встает у своего стола, пролистывая папку. Достает из коробки какой-то отчет, а потом снимок с последнего места преступления, распечатанный вчера утром. И тут видит это. В самом углу фотографии. Крошечную деталь, случайно высвеченную фонариком и явно не предназначенную для посторонних глаз.

Комната начинает расплываться. Поле зрения сужается до этих нескольких пикселей.

Ноги вдруг становятся ватными, и она с тихим вскриком опускается на пол.

Это просто невероятно. Но это так.

И об этом обязательно нужно рассказать Адаму.

Глава 15

В доме тепло и уютно. На Джейми волной накатывает радость, когда он вставляет ключ в замок и толкает дверь. Кричит: «Привет!» – и слышит такое же приветствие в ответ. Снимает пальто и шарф, проходит в гостиную.

Пиппа поднимает взгляд с дивана и улыбается. Джейми плюхается рядом с ней.

– Ну и денек... – говорит он.

– Что, настолько все ужасно? – спрашивает она, прижимаясь к его груди и поднимая голову для поцелуя. Он прикладывается к ее губам.

– Не то слово. Тебе даже просто представить такого не захочется.

Джейми буквально только что закончил допрос этого... даже и непонятно, как этого типа можно обозвать. Бывшего хахалю Луизы Эдвардс? Он и сам этого до конца не понял. Ту похитили и убили, а этот Джейкоб Нельсон категорически отрицал, что вообще хоть что-либо знает о ней.

– В полиции мне сказали, что ее убили, – слишком уж быстро сказал он, едва Джейми успел представиться. – Я-то, блин, при чем?

– Значит, это не вы отец ее ребенка? – спросил Джейми, прекрасно зная, что Нельсон уже успел подтвердить этот факт в своих самых первых показаниях.

– Не исключено, – неохотно признал тот. – Хотя кто его знает... Все эти сучки вечно твердят, будто бы я их обрюхатил.

Тут он еще и подмигнул, и Джейми захотелось дать ему в рожу. У Нельсона – высокого, поджарого, с бритой головой и светлым пушком на подбородке – было такое лицо, что хотелось немедля схватить его и отволочь в камеру, поскольку сразу становилось ясно: это лишь вопрос времени, когда он отмочит какую-нибудь глупость. Джейми искренне не понимал, как такому типу удалось уболтать хотя бы одну женщину переспать с ним, не говоря уже о большем количестве.

– Она же к вам обращалась, ребятки, – сказал Нельсон, бросив беглый взгляд на Куинн. – А вы ни хрена не сделали.

Переборков свое отвращение, Джейми заинтересованно выпрямился.

– По какому поводу?

Нельсон на мгновение задумался; Джейми почти слышал, как в голове у него проворачиваются шестеренки.

– Кто-то следил за ней. Но она не смогла его описать – сказала, что скорей это чувствует.

– Чувствует?

– Да. Даже меня пыталась обвинять, но я сказал, что нет, таскаться за бабами – это не мое. – Он посмотрел на Джейми, приподняв бровь. – Это было на сексуальной почве? В смысле, это убийство? Он изнасиловал ее и все такое?

Отвечать Джейми не стал, и вскоре они отпустили Нель-

сона на все четыре стороны, стремясь оказаться от этого человека как можно дальше. Но нет, думает сейчас Джейми. Ни на одном из тел не было обнаружено признаков сексуального насилия.

Он выбрасывает эти неприятные мысли из головы, отчаянно желая насладиться вечером с любимой женой.

– Как прошел твой день? – спрашивает Джейми.

Пиппа смеется.

– Гиперактивные дети. Но приятно было вернуться к работе, хотя бы на час. Пока я не собрала все это. – Она указывает на высокую стопку контрольных. – Работенка на вечер. – Затем опять поворачивается к нему, на лице – восторг. – Я скачала свадебные фотки! Не хочешь посмотреть?

– Да, – отвечает он. – Да, хочу. Очень.

День их свадьбы был просто чудесным. Люди говорили, что устраивать свадьбу зимой – это просто безумие, но погода стояла ясная и свежая. Ярко-голубое небо, похрустывающий ледок на земле... В отеле было тепло и уютно: повсюду дровяные камины со стоящими на них мерцающими свечами, горшки с розами, плющом и другими растениями, которые Джейми не сумел определить, – красными, белыми и зелеными.

И Пиппа была просто прекрасна. Он смотрит на фотографии – длинное белое облегающее платье, волосы распущены по плечам... Еще когда он впервые увидел ее, у него сразу перехватило дыхание.

– О, ты только глянь на мой нос с такого ракурса! – восклицает Пиппа. – Надо было мне предупредить, чтоб не снимали в профиль.

– Ты что, шутишь? – Джейми изумленно смотрит на свою жену. – Да ты тут просто потрясающе выглядишь! Ты и сама потрясающая. Ну какая жена не стала бы возражать, если б ее новоиспеченный муженек свалил на работу прямо в последний день отпуска?

– Честно говоря, к тому моменту ты мне уже надоел, – говорит Пиппа. – После двух-то недель в Калифорнии? Да меня уже просто тошнило от твоей физиономии!

– Да ну тебя, – отзывается Джейми с улыбкой и залезает ей под блузку, чтобы пощекотать. Она вскрикивает от смеха и отталкивает его, пытаясь сделать то же самое. Ее руки пролезают ему под рубашку, и вот она уже целует его – сначала слегка, а затем уже по-настоящему. «Значит, медовый месяц еще не закончился», – думает он, стягивая с нее через голову блузку.

* * *

После этого они лежат на диване, накрывшись одеялом. Пиппа с ухмылкой хватает ноутбук, и они возвращаются к просмотру свадебных фотографий. Переходят к гостям. Все их друзья танцуют – вот даже их родители, взявшиеся за руки на танцполе. На экране появляется Адам – хохочет над

чем-то, в руке пинта пива.

– Ты в курсе, что он переспал с Джейн? – говорит Пиппа.

– Правда? Он про это не упоминал. Надеюсь, она не ждет, что он ей позвонит?

Пиппа усмехается.

– Нет, ей это до лампочки. Она сказала, что по традиции подружка невесты должна переспать с шафером. Джейн положила на него глаз с самого начала. – Пиппа наклоняется к экрану, изучая фотографию. – Симпатичный, гад.

– Эй! – возмущается Джейми, и она смеется.

– В смысле, объективно. – Откидывается обратно, положив голову ему на грудь. – Ты для меня единственный мужчина, заслуживающий внимания, – мягко произносит она. – Пока ты будешь меня хотеть.

– Всегда, – серьезно подтверждает он. Нежно целует ее в лоб, думая о том, насколько ему все-таки повезло. Затем его мысли обращаются к другим близким для него людям. К другим отношениям – тем, что давно разорваны в клочья...

– Сегодня в отдел приходила Ром, – говорит он. – И встречалась с Адамом. Насчет чего-то связанного с этим делом.

Пиппа быстро поднимает взгляд.

– Правда? На нашу свадьбу она не пришла, потому что не хотела скандала, и все же идет к вам в отдел, чтобы повидаться с ним... Ты не знаешь почему?

– Адам не говорил.

– И как все прошло?

– Не лучшим образом.

Пиппа погружается в молчание.

– Надо будет позвонить ей, – тихо произносит она, после чего решительно добавляет: – Ну что, не проголодался еще?

Джейми целует ее.

– Просто умираю с голоду!

* * *

Натянув на себя самый минимум одежды, он направляется вверх, чтобы переодеться как следует. Бросает свою рубашку в уже готовую завалиться набок бельевую корзину, и в этот момент до него доносится некий странный запах. Не то чтобы неприятный, просто... какой-то другой. Это на миг выбивает его из колеи, вызывает смутное беспокойство – словно какое-то неприятное воспоминание, вдруг всплывшее в голове. Он еще раз принюхивается, двигаясь по комнате и пытаясь найти его источник, но запах уже исчез.

Джейми открывает окно, заталкивает оставшуюся одежду в корзину и спускается с ней в кухню.

Пиппа стоит рядом с открытым холодильником, заглядывая внутрь.

– Я же вчера ходила за покупками, – бормочет она, обращаясь к полкам. – Но, выходит, на самом-то деле ничего не купила, что можно было бы приготовить. – Смотрит на него, когда он включает стиральную машину. – Как ты насчет пицц-

цы?

На долю секунды Джейми задумывается о своем постоянно растущем животе и твердом решении после медового месяца сесть на диету. Затем улыбается.

– Отличная мысль, – говорит он, открывая сайт пиццерии «Доминос».

Глава 16

Адам добирается до дома только после десяти вечера.

Он допоздна засиделся в отделе, окопавшись в своем кабинете и просматривая поспешно набросанные за день рапорты. Продвинуться удалось не особо – и отсутствие прогресса беспокоит его. Никаких зацепок. Хмурые детективы все так же копаются в мусоре на пустыре, из лаборатории ничего, а от патрульных, продолжающих обходить окрестные дома, по-прежнему поступает лишь всякая дребедень.

Он понял, что не сможет торчать здесь всю ночь. Уже режало глаза, все тело сковала усталость – без отдыха ничего полезного не сделаешь.

Адам приезжает домой, принимает душ, а потом, устроившись перед телевизором, съедает разогретый в микроволновке ужин и выпивает пару бутылок пива. Уже чувствует, как закрываются глаза, когда вдруг слышит звонок в дверь.

Смотрит на часы – десять минут двенадцатого, – медленно подходит к двери и открывает ее. На пороге стоит его бывшая жена с папкой в руке. И протягивает ее ему.

– Откуда ты знаешь, где я живу? – возмущенно восклицает он.

– Из документов на развод.

– А это еще что такое? Опять *чувство*?

Она хмурится.

– Не будь таким придурком, Адам... Я во всем разобралась.

Он вздыхает, почти не надеясь, что она будет полезна в этом деле, но зная по предыдущему опыту, что Ромилли не уйдет, пока он ее не выслушает.

Уже был похожий эпизод, еще когда они были женаты. Один из многих, но сегодня вечером на ум приходит именно тот случай. Они прогуливались по городскому центру, держась за руки. Ярко светило солнце. Уличные музыканты задорно развлекали нагруженных покупками прохожих; он чувствовал себя совершенно счастливым и с оптимизмом смотрел в будущее. Пока она не заметила его. Какого-то старика. Седого, высокого, но слегка сутуловатого, быстро пробирающегося сквозь толпу. Ромилли остановилась как вкопанная – так неожиданно, что кто-то из идущих позади пешеходов негромко ругнулся, возмущенный задержкой. Адам недоуменно обернулся – ее лицо было мертвенно-бледным.

– Это он, – прошептала она, показывая пальцем. – Это он!

Адам не сразу понял, что она имеет в виду. Бросил взгляд в сторону удаляющейся фигуры, которая вскоре свернула за угол и скрылась из виду, а затем вновь повернулся к Ромилли.

– Он вышел! Это он! – Она вся так и дрожала, задыхаясь.

– Каким образом? – Адам встал перед ней, взяв ее потные руки в свои. – Милли, посмотри на меня! Как он мог выйти из тюрьмы?

– Его выпустили. Досрочно. За хорошее поведение.

– Мы бы знали. Тебе бы сообщили.

– А вдруг они забыли? – Тут она впервые подняла на него глаза – расширившиеся и темные, полные страха. – Такое случается. Каждый день. Перепутали документы. Чего-нибудь упустили.

Он пытался убедить ее, но ничто не могло заставить ее передумать. Они отправились домой, и лишь после того, как Адам лично позвонил в тюрьму и подергал за пару ниточек, чтобы убедиться, что этот человек и вправду надежно сидит под замком, Ромилли смирилась с поражением и позвонила доктору Джонс.

Так что он знает, что она этого так просто не оставит.

– Тогда заходи, – ворчливо соглашается Адам.

Ромилли переступает порог, изучая окружающую обстановку. Он с болью осознает, что его нынешнее жилище совсем не похоже на то, что было у них когда-то. Дом после развода достался ей – он не хотел жить там, где все постоянно напоминало бы ему о неудавшемся браке. Мебель, декор, все остальное там выбирала она, а его подобные материи совершенно не интересуют, теперь это совершенно очевидно.

Ромилли правильно угадывает местоположение кухни и проходит туда. Немытая тарелка отставлена в сторону, рядом – пустые бутылки из-под пива.

– Не хочешь чего-нибудь выпить? – с принужденной любезностью интересуется Адам, указывая на кухонный стол.

Сдвигает вбок газеты, кипы счетов, прочие наносы повседневной жизни, расчищая немного свободного пространства.

– Нет, спасибо. – Она осторожно садится, как будто опасаясь запачкаться, и кладет перед собой папку.

Он намеренно заставляет ее ждать – приносит себе еще пива и садится на стул рядом с ней.

Ромилли сразу переходит к делу, открывая папку и вытаскивая из нее распечатку с сайта Би-би-си.

– Вот. Эти фото просуществовали недолго, – быстро говорит она.

Адам кивает.

– Сегодня утром мы заставили их убрать. Там были подробности, которыми мы не хотели делиться с общественностью.

– Римские цифры.

– Да.

– У каждого из тел.

Адам надолго останавливается на ней взгляд – слишком долго.

– Да, – наконец подтверждает он.

– Он поступал точно так же.

Адам моргает. Впервые замечает румянец у нее щеках, нервное подрагивание рук.

– Я ознакомился со всеми документами, Ромилли. Тогда. Сама знаешь. И не припомню, чтобы...

– Этого нет в материалах дела. Были кое-какие факты, которые они не хотели выдавать прессе. Детектива, который вел его, беспокоили подражатели, всякие психи... – Она делает паузу. – Которые могут пойти по его стопам. И всё отредактировали. Всё, кроме этого. Должно быть, это пропустили.

Она опять роется в папке, раскладывая бумаги по столу. Адам узнает новостные статьи того времени. Документы официального вида... На некоторых листках лишь какие-то неразборчивые каракули, которые он не может толком прочесть. Ромилли находит то, что ищет, и передает ему.

– Они не могли так рисковать, – говорит она. – Но я знала. Сама видела. Я была там.

– Что видела, Ромилли? – медленно спрашивает Адам. Смотрит на документ, который она ему подсунула: криминалистический отчет от 1995 года. Касательно обнаруженного во флигеле.

– Там на стене были такие же отметины.

– Такие же, как эти? – Он встает, идет к своей сумке, оставленной в коридоре, приносит досье на всех пятерых жертв в кухню, открывает верхнюю папку и вынимает из нее свои собственные фотографии с места преступления. Адам раздражен. Он устал и знает, что утром придется встать ни свет ни заря. И вернуться к расследованию этих убийств с реальными уликами, а не сомнительными связями, которые померещились его бывшей жене. Адам быстро просматривает

снимки, после чего кладет перед ней один из них – римские цифры, выведенные зеленой краской из баллончика прямо над телом.

Ромилли замирает, уставившись на фотографию.

– Нет. Не такие, – говорит она уже тише. – Там были царапины. На стене.

– Царапины? В той камере пыток? – Адам не может скрыть покровительственных интонаций в своем голосе. Сейчас он потакает ей. Она это понимает, и ей это не нравится.

– Они были совершенно четкие, Адам. На самом виду.

– И ты никогда раньше об этом не упоминала?

– Нет. Это было не важно...

– Какая это была цифра?

– Двадцать. Два икса. Вплоть до...

– Выходит, просто черточки. Нацарапанные на стене?

– Да, но... – Она смотрит на него, прикусив губу. – Я не сошла с ума, – шепчет Ромилли. Выглядит она так, словно вот-вот расплачется, и он чувствует волну сочувствия.

– Я никогда такого не говорил! – Лицо его смягчается, тело расслабляется. – Милли, – мягко произносит Адам. – Это не он. Это какой-то другой псих. Он в тюрьме, ты же знаешь.

Она медленно кивает, вжимая переплетенные пальцы в колени.

– Вот, – говорит он, протягивая свою бутылку пива. – Лич-

но мне помогает.

Ромилли слабо улыбается, берет ее, подносит к губам и делает большой глоток. Переводит дух и тут же прикладывается к бутылке еще раз.

Тут у нее в кармане пищит телефон.

– Это твой приятель?

– Наверное.

Достав телефон, она читает сообщение. Потом ставит пиво обратно на стол и встает, подхватывая пальто.

– Мне пора.

– Конечно. – Адам следует за ней к двери, наклоняется и открывает ее. – Сейчас ты оставишь все как есть. Договорились, Милли? – говорит он.

– Но...

– Прошу тебя. Это полицейское расследование. Я очень ценю твою... помощь. Но теперь предоставь все это мне. Пожалуйста.

Ромилли кивает. Он смотрит, как она идет к своей машине, опустив голову и понуриив плечи. Ему жаль ее, и в самом деле жаль. Но, мать твою, это не имеет к ней никакого отношения! То, что тогда произошло.

Закрыв входную дверь, Адам возвращается в свой теплый дом. Смотрит на кухонный стул, усыпанный беспорядочной кучей бумаг, и вновь берет тот криминалистический отчет.

Он не помнит, чтобы читал его, – и она права. Там и вправду говорится о царапинах – римских цифрах рядом с

дверью. Числах от двадцати до восемнадцати. Правда, всего жертв, как он помнит, было четыре, так что недостающее число семнадцать вполне может оказаться связующим звеном к новым убийствам – с шестнадцатого по двенадцатое. Пожалуй, стоит подумать об этом. Пожалуй...

Адам решительно качает головой. Нет. Нет, ни к чему. Это не одно и то же. И этот человек сидит в тюрьме. Пожизненно. Это совершенно исключено.

Совершенно, блин, исключено.

* * *

ДЛЯ СЛУЖЕБНОГО ПОЛЬЗОВАНИЯ (СТРОГО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО)

Данная информация не предназначена для использования в качестве доказательства в суде

Предварительный отчет криминалистической экспертизы		Форма МГ 22 А	
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА МЕСТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ			
Внутреннее название полицейской операции:	Операция «Херсли»¹	Уголовное дело №:	00075690/ХЕРС
Место:	Блэкстоун, Хэмпшир	Рег. № отчета:	5686/ДР/А
Составитель отчета:	Сара Фокс	Организация:	Судебно-криминалистическая служба «Трентон»
Дата составления:	20 ноября 1995 г.		

Результаты

Я посетила усадьбу «Буки» на Глостер-роуд в воскресенье, 19 ноября 1995 г., вместе со своей коллегой Стеф Стоддарт. Также присутствовали старший детектив-инспектор Фрэнк Лэнгстон и детектив-сержант Дэвид Шепард.

На территории усадьбы расположен отдельно стоящий дом с тремя спальнями. Собственно дом в основном чистый и опрятный, без видимых нарушений внутренней обстановки. Входная дверь открывается в коридор, откуда можно попасть в гостиную слева и на лестницу справа. Вход в кухню расположен в самом конце коридора. На втором этаже находятся три спальни и ванная комната, двери которых выходят на лестничную площадку.

Ни в одной из комнат на верхнем и нижнем этажах здания видимых следов крови не обнаружено.

Задняя дверь кухни выходит в большой сад площадью около двух акров. Неужоженная травянистая лужайка переходит в небольшую древесную рощу. Слева, в прилегающей к дому части сада, находится старый полуразрушенный детский игровой домик.

Дом и прилегающая к нему территория усадьбы со всех сторон окружены лесом. Ближайшее жилье находится примерно в полумиле, вне пределов видимости из дома или с территории усадьбы.

В дальнем конце сада расположен большой хозяйственный флигель/сарай, представляющий собой бетонное строение с плоской крышей и двумя окнами, оба из которых заколочены снаружи досками.

Входная дверь флигеля снабжена сразу несколькими замками – двумя ригельными и одним цилиндрическим. На момент проведения осмотра все они были целы, без видимых повреждений, но не заперты. Главная дверь открывается в небольшую прихожую с еще одной дверью, запертой на два ригельных замка, которая, в свою очередь, ведет в единственную главную комнату размером приблизительно 9 на 6 м.

На деревянном косяке этой двери обнаружены несколько царапин, нанесенных каким-то острым предметом – судя по всему, совсем недавно. Конфигурация царапин напоминает набор римских цифр от восемнадцати до двадцати (XVIII, XIX и XX), расположенных вертикально друг над другом: «двадцать» наверху и «восемнадцать» внизу.

Комната оказалась темной и в значительной степени замусоренной. Написывавшая

В комнате обнаружены многочисленные следы крови, главным образом в виде контактных пятен и капель на матрасах и постельном белье, что указывает на то, что пострадавший или пострадавшие содержались здесь в течение достаточно долгого времени. На полу обнаружена лужа крови. На внутренней стороне двери имеются поврежденные участки, на некоторых из них наличествуют следы крови.

Вдоль задней стены комнаты стояли три большие металлические клетки, размерами от 12080×80×80 см у самой большой до 90×60×60 см у самой маленькой. Если не считать окровавленного одеяла в одной из них, все они были пусты. На металлических прутьях обнаружены контактные пятна крови, а также ключья волос с фрагментами кожного покрова и мозгового вещества. Все клетки были открыты, на дверях оставлены висячие замки. Следы крови в виде ударных брызг обнаружены во всех трех клетках – на полу и на стенах до высоты потолка. Характер этих следов указывает на то, что содержащиеся в данных клетках люди подвергались физическому насилию.

Вдоль всего потолка помещения тянется большая конструктивная деревянная балка, в которую ввинчены два больших металлических крюка, а в бетонной стене с левой стороны укреплена еще и металлическое кольцо. На всем обнаружены контактные следы крови, а также фрагменты кожи и мышечных тканей. Одним из объяснений этому может служить то, что крюки втыкались непосредственно в человеческое тело, вызывая серьезные травмы.

Внутренние стены флигеля, сложенного из монолитных пенобетонных блоков, снабжены толстым слоем звуко/теплоизоляционного материала, равно как и оконные проемы.

В основных местах обнаружения следов крови взяты образцы для последующего анализа ДНК с целью установления ее принадлежности. На момент написания данного отчета поиски на территории усадьбы все еще продолжались, и о дальнейших находках, а также о результатах анализа ДНК-профилей будет сообщено дополнительно.

Информация криминалистического характера, содержащаяся в данном отчете, основана на сведениях, полученных на момент его написания, первоначальных выводах и/или оценках места преступления и вещественных доказательств, и предоставляется следственным органам с целью поддержания избранного направления расследования и/или установления того, имеет ли данная экспертная информация доказательную ценность.

В случае необходимости проведения дальнейших мероприятий криминалистической экспертизы следственным органам необходимо подать запрос в соответствующий отдел криминалистической и судебно-медицинской службы в установленном служебным регламентом порядке.

* * *

Раньше

Катастрофа случается сразу же после полуночи. Грохот с

силой открытой двери, брякнувшей о стену. Он лежит в постели – сердце упруго бьется в груди, все тело тревожно сжалось.

И тут же голос его матери – ласковый, успокаивающий. Но даже отсюда он слышит в нем панику. Шипение вскрытой банки пива, бубнеж телевизора... А потом голос отца, грубый и заплетающийся.

Тон разговора повышается. Темп убастрывается. Он слышит шаги. Сначала матери – быстрый топоток вверх по лестнице. Затем другие им вслед: громкие тяжелые удары жестких подметок, по две ступеньки за раз. Хлопанье дверей, крики... Обрывки ссоры, не имеющие для семилетнего мальчишки никакого смысла. «...Ложись спать... завтра... Не сейчас, Морис, только не сейчас... прошу тебя...»

Затем звук пощечины, глухой звук падения. Слышно, как плачет мать, тихонько всхлипывая. Он знает, что она пытается подавить слезы, – гнев отца при таком открытом проявлении чувств всегда лишь усиливается.

Подкравшись к двери своей спальни, он слегка приоткрывает ее. Сквозь узкую щель видит коридор, свою мать, лежащую на грязном ковре – волосы закрывают ей лицо. Над ней стоит его отец, все еще в своих заляпанных грязью черных рабочих ботинках и плотном комбинезоне. После работы он явно отправился напрямиком в паб, оставив там только что полученную месячную зарплату, прежде чем мать успела хоть что-то потратить на еду.

На глазах у него отец наклоняется и хватается за волосы. Она вскрикивает, и он тащит ее в спальню – ее босые ноги волочатся по ковру, руки беспомощно хватаются за его предплечья. Он замахивается свободной рукой, чтобы ударить ее по лицу – раз, другой. Кровь капает на пол.

Он не может отвести взгляд, хотя знает, что должен. Отец грубо швыряет мать на кровать. Хватается за ее одежду, разрывает ее, разбрасывая по сторонам. Насильно раздвигает ей ноги. Возится с ремнем, спускает брюки, пока они не оказываются у него на коленях.

Он не понимает, что происходит, но много раз слышал эти звуки через стену. Скрип старого матраса, гортанные мужские стоны... А потом рыдания матери.

Он присаживается на корточки на ковре, неподвижно застыв. На лице отца – неприкрытая злоба и сосредоточенность. Тот полностью поглощен тем, что делает, волосатый живот колыхается в такт его резким толчкам, глаза зажмурены, все мышцы напряжены.

Мать поворачивается лицом к двери. Левый глаз у нее заплыл, под носом кровавая корка. Она замечает его, и ее здоровый глаз расширяется от страха. Произносит что-то одними губами, но он качает головой, не в силах понять.

Мать пытается снова, и на сей раз он понимает.

– Спрячься, – говорит она. – Спрячься!

ДЕНЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

ВТОРНИК

Глава 17

Старший детектив-инспектор Кара Эллиотт опаздывает. Адам оглядывает кофейню в поисках женщины, которую знает по множеству недоброй памяти газетных репортажей в прошлом году, после чего хмурится. Дел по горло, думает он, погибли люди. По крайней мере, могла бы прийти вовремя. Заказывает кофе и несет его к дальнему столику.

Пока ждет, просматривает отчеты из лаборатории. Появились сведения о волокнах, найденных на одеяле, – это темно-зеленый полиэстер. Синтетический материал, часто используемый в качестве утеплителя, а также при изготовлении мягкой мебели, одежды и веревок. Веревка, думает Адам. Почему нельзя просто сказать «веревка»?

Результаты анализа пятна на одеяле более многообещающие – в составе его в основном натрий, хлориды и сульфаты со следовыми количествами кальция, калия и магния. Морская соль.

– Адам?

– Привет, Кара, – отвечает он, поднимая взгляд и убирая документы обратно в папку. – Как вы?

Но можно и не спрашивать, все видно по ее лицу. Вокруг глаз – черные круги, щеки ввалились; ее худоба хорошо заметна даже под бесформенным черным джемпером, который на ней надет.

– Простите за опоздание.

– Спасибо, что согласились встретиться.

Слабо улыбнувшись, она садится.

– Не думаю, что Марш оставил мне такой уж большой выбор.

– Не хотите кофе? Чаю?

– Нет. Спасибо.

– Чем сейчас занимаетесь?

– Да примерно все тем же, только по мелочи. Кражи, ограбления, тяжкие телесные... То, чем больше никто не хочет заниматься.

– Ясно.

Покончив с любезностями, они некоторое время сидят молча, пока Эллиотт не указывает на лежащую перед ним папку.

– Это оно? – спрашивает она.

Адам кивает.

– Можно глянуть?

– Прошу.

Он придвигает к ней папку, и Кара открывает ее. Адам внимательно наблюдает за ее лицом, пока она просматривает жуткие фотографии с места преступления, изучает нанесенные жертвам раны, снятые крупным планом.

– Убийства в порыве бешенства? Спонтанные и неуправляемые? – спрашивает она.

– Первые два. Полное отсутствие самоконтроля.

– А остальные?

– Более продуманны. Жертвы какое-то время где-то удерживались.

– Тела завернуты в одеяла... Указывает на раскаяние.

Эллиотт умолкает, изучая отчеты, и Адам видит в ней того детектива, которым она некогда была.

– И вы думаете, что это один и тот же преступник? – спрашивает Кара. – Даже учитывая разницу почерка?

– Такова наша гипотеза. Одна и та же свалка. Есть и другие сходства. Например, обескровливание. Хотя метод совершения убийства постепенно эволюционирует.

– С какой целью?

– Это нам пока неизвестно. – Адам делает паузу. Он знает, какой вопрос должен задать. – А вы не думаете, что...

Эллиотт резко поднимает голову.

– Нет, это не Пересмешник⁹.

– Даже если припомнить Ричарда Чейза¹⁰?

Кара качает головой.

– Шентон уже прикинул такую возможность, – говорит она, имея в виду одного из своих подчиненных, детектива-констебля. Адам уже пару раз встречался с ним: тихий прилежный малый, бледный и непритязательный, – и их

⁹ Эти события и участие в них Кары Эллиотт описаны в романе С. Холланд «Человек-эхо».

¹⁰ Ричард Трентон Чейз (1950–1980) – американский серийный убийца, получивший прозвище «Вампир из Сакраменто», поскольку пил кровь своих жертв и поедал их останки.

негласный эксперт по серийным убийцам. – Кое в чем и впрямь похоже на Чейза, если учесть нож и нанесение колющих ударов. Но тот пожирал своих жертв, вырезал и сохранял их внутренние органы, чтобы съесть позже. Он был абсолютно дезорганизован и неуправляем. Всегда. – Она замолкает, глубоко задумавшись. – Это не он. Пересмешник отличался скрупулезностью и был до одержимости пунктуален. И ни на йоту не отклонялся от стиля серийных убийц, которым подражал.

Адам размышляет над ее словами. Она говорит о Пересмешнике в абстрактных терминах, как будто о чем-то для нее очень далеком. Знакомом ей лишь заочно.

– К тому же, как вы знаете, – продолжает Кара, не отрывая глаз от папки с делом, лежащей перед ней, – мы поймали его.

Адам кивает. «В конце концов», – думает он.

– Что можете сказать о нашем парне? – спрашивает он вместо этого.

Эллиотт вздыхает и вновь перелистывает страницы.

– Характер первого неорганизованного убийства и меньшая осторожность, с которой он избавился от последней жертвы, наводят на мысль об эскалации. Даже принимая во внимание похищение и медленные пытки этих двоих. Что-то изменилось. И это привело его к тому, что он просто выбросил последнее тело, даже не попытавшись его хоть как-то прикрыть. Он больше не утруждается тем, чтобы оставаться в тени.

– Почему?

– Ему дорого время? Перед ним стоит какая-то задача?

Цель, которую он пытается достичь?

Адаму припоминаются цифры, накрашенные рядом с телами. Обратный отсчет начался. Уж не пытается ли преступник досчитать до нуля?

Но Кара продолжает говорить:

– Серийные убийцы обычно подпадают под одну из четырех категорий. – Она поднимает руку, отсчитывая их на пальцах. – Первая: одержимые бредовыми галлюцинациями душевнобольные, находящиеся во власти своих психотических срывов. Вторая: люди, исполняющие какую-то выдуманную ими миссию, – у этих есть какая-то четкая цель, обычно избавить мир от определенной категории людей. Третья: убийцы-гедонисты, которые получают удовольствие от самого акта убийства, совершенного из сексуального вожделения, материальной выгоды или просто ради острых ощущений от причинения боли или страха. И, наконец, те, которые помешаны на власти и контроле.

– Не будете же вы оспаривать тот факт, что абсолютно всеми убийцами движет стремление к власти и контролю?

– В какой-то степени да. Но всегда есть первостепенный мотиватор. Что ваш преступник от этого получает?

Теперь, стоило Каре заговорить, как лицо ее оживает. Ясно, что ее прежняя карьера детектива по расследованию убийств доставляла ей удовольствие. И, несмотря на все

нежелание Адама соглашаться на эту встречу, все-таки интересно познакомиться с ней как следует. Поближе.

Он знает ее в основном по репутации, их имена частенько звучали вместе. Кара Эллиотт и Адам Бишоп. Два старших детектива-инспектора из двух крупных отделов полиции – и она его прямой конкурент на следующее повышение. Давно уже ходят слухи, что, несмотря на бюджетные ограничения, руководство подыскивает еще одного детектива-суперинтенданта, что Марш не может вечно руководить сразу двумя отделами по расследованию особо тяжких преступлений в одиночку. А Эллиотт – отличный коп. Идеальная кандидатура. Может, даже любимица Марша.

Но это было *раньше*.

– Бишоп? – Теперь она пристально смотрит на него, и Адам мысленно возвращается к расследованию.

– Что, простите?

– Я сказала, что он обязательно совершит ошибку. Кто-нибудь увидит его, если этого еще не произошло. И, – Эллиотт делает паузу, постукивая пальцем по временной шкале, поспешно нацарапанной Адамом на листе формата А4, – взгляните на даты. Что-то спровоцировало этого парня. Что это было за побуждающее событие? Почему он начал убивать именно тогда? Только не пытайтесь уверить меня, будто кто-то с таким уровнем душевной нестабильности годами держал это в секрете, а потом вдруг начал убивать первых попавшихся под руку людей. Подобный сдвиг мозгов – это

не то, что происходит в одночасье.

Адам хмурится. Верно подмечено. И хотя эта лекция ему не вкусу, Кара задает вопросы, которые уже и ему самому должны были прийти в голову.

– Как он выбирает своих жертв? – продолжает она. – Почему именно эти люди? Если он преследует какую-то определенную категорию людей, то, скорее всего, уже ищет следующую жертву. Вам нужно поймать этого парня. При таком высоком уровне жесточенности уже сделанное его никак не удовлетворит. Он будет убивать и дальше.

– Я знаю это, Эллиотт, – резко говорит Адам, и она быстро отводит взгляд.

– Простите, – смущенно отзывается Кара. – Я вовсе не собиралась на вас давить, на вас и так уже сильно давят.

Он улыбается.

– Все нормально. – Не желая выказывать никакой слабости, вновь придвигает к себе папку с делом, углубляясь в страницы.

Ощувив его враждебность, Эллиотт встает, снимает со спинки стула пальто и надевает его.

– Удачи в расследовании, старший детектив-инспектор Бишоп, – произносит она.

– Не переживайте, – отвечает Адам. – Мы поймаем его.

Чувствует, что Кара колеблется, и поднимает глаза.

– Я тоже так думала, – тихо говорит она, – когда мы только начинали. – Медленно кивает. – Обязательно сделайте это.

Пока он не отнял у вас все. – Делает паузу, глядя в пол. – Пока он не разрушил всю вашу жизнь. Как Пересмешник мою.

Адам смотрит ей вслед, на ее поникшие плечи. Он помнит прошлогоднюю операцию. Ему отчаянно хотелось тоже внести свой вклад, стать частью самого крупного дела об убийстве, которое когда-либо знала страна. Но Марш отодвинул Адама в сторонку, оставив его, Джейми и нескольких рядовых детективов разбираться с остальными поступающими делами, в то время как расследование преступлений Пересмешника пожирало все на своем пути.

Но это дело оказалось Каре Эллиотт не по зубам, не так ли? Оно оставило ее побежденной и уничтоженной. С ним такого никогда не произойдет.

У него звонит телефон, и он отвечает на звонок.

– Босс? Это Джейми. – Похоже, его заместитель в панике. – У нас еще одно тело.

– Что? Где?

«И так скоро?» – думает Адам, но не говорит этого вслух. Кара права – убийца набирает обороты.

Джейми сообщает ему подробности, и он, решительно хлопнув папку, запикивает ее обратно в сумку.

«Я вам не старший детектив-инспектор Кара Эллиотт, – думает Адам, выбегая к своей машине. – Все у меня будет пучком».

Глава 18

– Это по нашей части? Точно?

Доктор Росс поворачивается к нему лицом. Адам может прочесть пренебрежительный взгляд за его маской.

– А кто у нас сейчас главный специалист по обескровленным трупам?

Полностью облаченные в белые одноразовые комбинезоны, они стоят перед задней калиткой небольшого дома в квартале шпалерной застройки, стоящего в плотном ряду точно таких же. Пластиковый контейнер для перерабатываемых отходов набит до отказа, бутылки уже вываливаются на бетон по соседству с сигаретными бычками и съездившими чинариками косяков.

– Сейчас криминалисты закончат фотосъемку, и я прослежу за изъятием тела. Отвезем его в морг и там осмотрим как следует, чтобы окончательно убедиться.

Адам вытягивает шею, чтобы заглянуть внутрь.

– Каково ваше предварительное заключение? – спрашивает он.

– Значительная потеря крови, усугубленная ударом по голове. И он совсем свеженький, Бишоп. Мертв не больше восьми часов. Тело еще теплое. – Доктор мрачно смеется. – Но сами увидите. Сами решите.

Адам согласно кивает, после чего направляется в малень-

кий, заросший кустарником садик за домом, где стоит Джейми.

– Не вляпайся в собачье дерьмо, – предостерегает тот.

Адам оглядывает квадрат неровной лужайки, покрытой маленькими коричневыми холмиками.

– Соседи сообщили, – продолжает его заместитель. – Скажи, что в доме больно уж тихо. Обычно тут собака постоянно гавкает, и днем и ночью, а сегодня утром тишина. Заглянули в сад, а задняя дверь открыта. И когда зашли в дом, чтобы все разведать, сразу заметили... вот это. – Джейми указывает за дверь, где Адам видит группу криминалистов в белых комбинезонах, фотографирующих какую-то бесформенную кучу. – Уэйн Оксфорд. Двадцать пять лет. Жил один.

– А где собака? – спрашивает Адам.

Глаза Джейми над маской прищуриваются.

– Пока не нашли. – Он указывает на дом. – Давай за мной.

Вслед за Джейми Адам переступает порог кухни. И тут же останавливается. Внутри натуральная бойня. Длинные кровавые мазки на полу, здоровенная лужа посередине, брызги на стенах... Кровь буквально повсюду.

Тело обмякло на кухонном стульчике в самом центре комнаты. Руки свободно свисают по бокам, ладони сплошь покрыты засохшей малиновой коркой. Лицо бледное, губы побелели. Вокруг стульчика – отвратительная бурая лужа.

– Ну ни хера себе... – выдавливает Адам после паузы.

Джейми мрачно кивает.

– Откуда столько крови?

Бишоп приближается к телу, осторожно ступая по разложенным криминалистами пластиковым подкладкам, присаживается на корточки, приглядываясь к безвольно повисшим рукам. По всей длине предплечий трупа тянутся зияющие порезы, влажные и окровавленные. На фоне побелевшей плоти отчетливо выделяются вены и сухожилия.

– Непохоже на остальных, – комментирует Адам. – Не связан, на убийство в порыве бешенства тоже не похоже.

– Однако ему крепко врезали по башке, – говорит Джейми, и теперь Адам тоже это видит. Волосы спутаны, вокруг раны и на затылке запеклась кровь, пропитавшая футболку.

– Достаточно крепко, чтобы вырубить его?

– Думаю, что да.

– Бишоп! – Внимание Адама привлекает крик с другого конца кухни – один из криминалистов машет ему рукой. Он отходит от трупа и движется туда, куда указывает рука в перчатке. На грязном линолеуме кухонного пола, наполовину в луже крови, лежит большая бутылка из-под водки – дешевой, купленной в супермаркете.

Адам приподнимает бровь.

– Орудие убийства? – удивленно спрашивает он.

– Будем надеяться, что да. Но это еще не всё.

Адам присаживается на корточки, приглядываясь внимательнее.

– А это не?..

Криминалист кивает.

– Похоже на пальцевой отпечаток.

Бишоп чувствует прилив возбуждения.

– Обработайте эту бутылку. И побыстрей.

Он отступает, позволяя эксперту заняться делом. Неужто повезло? Все, что им нужно, – это всего одно хорошее совпадение, и они прихватят этого урода. Может, там даже есть следы ДНК, и тогда они вправду припрут этого ублюдка к стенке...

Тот не похищал свою жертву. Не терял контроль над собой, нанося ей десятки ударов ножом. Он убил этого мужика прямо здесь, на его собственной кухне. Оставив медленно истекать кровью. В озере из собственной крови.

* * *

Я издаലെка наблюдаю, как полиция наводняет дом. Я не более чем обычный утренний зевака, который по дороге на работу припарковался у тротуара и спокойно попивает кофе перед началом своей смены. Я уже постепенно привыкаю к последующему ужасу, к мазохистскому самобичеванию после содеянного. К тому, как именно совершено это убийство.

Этот человек жил один. И жил скучно. В нем не было абсолютно ничего заслуживающего внимания. Каштановые волосы, тощий и костлявый – сразу понятно, что он не из

тех, кто посещает спортзал. На нем были бесформенные штаны от спортивного костюма и дешевая футболка, купленная в «Теско»¹¹. Такие продают сразу по три штуки в одной упаковке – одна синяя, одна черная, одна белая. Лишь только этого оказалось достаточно, чтобы его возненавидеть. Ему следовало бы больше уважать себя.

У нас с ним не было абсолютно ничего общего.

Предварительно пришлось немного понаблюдать за ним из машины. Припарковавшись напротив его дома, через окно гостиной. Весь свет там был включен, шторы раздвинуты – он даже и не пытался хоть как-то уединиться. Заходи – не хочу. Сразу ясно, что это за человек. И какие проблемы может доставить.

До этого мне уже приходилось пару раз его видеть. При его жизни – вполне достаточно. Другей – раз-два и обчелся. Ходил на работу, сидел там за компьютером... Перекуривал в обеденный перерыв с какой-то девицей, которую называл «детка» и которая, стоило ему отвернуться, показала ему за спиной известный жест – мол, подрочи. По дороге домой посвистывал женищинам. Слишком долго пялился на их груди. У него была собака – маленькая белая шавка, которая беспрестанно тявкала, когда он уходил на работу. Соседи наверняка ненавидели его. Надеюсь, они оценят мои труды.

Он сидел на диване, запихивая в рот «Доритос», и смотрел по телевизору какой-то фильм про серийного убийцу.

¹¹ «Теско» – самая крупная сеть гипермаркетов в Великобритании.

Как вам такая ирония ситуации? Опять вспоминаю, как все это было...

** * **

Подойдя к задней двери, пробую дверную ручку. Выпустив свою ужасную псину в сад, он оставил дверь незапертой. Открываю ее, и маленькая тощая тварь тут же бросается ко мне, тявкая и пытаясь укусить за ноги. Хватаю ее за загривок, и она извивается у меня в руке, пытаясь вцепиться мне в пальцы своими острыми зубками.

«Заткнись!» – слышу крик из гостиной. Висящая у меня в руке собака по-прежнему заливается лаем, теперь уже более неистово. Выношу ее в сад и швыряю через всю лужайку. Плюхнувшись в траву, шавка опять сердито кидается ко мне, но я успеваю захлопнуть дверь прямо у нее перед носом. До меня по-прежнему доносится ее тявканье, приглушенное двойным остеклением.

Медленно прохожу на кухню. Прислушиваюсь, но ничего не слышу, кроме телевизора, орущего на полной громкости. Оглядываюсь по сторонам. Мне требуется что-нибудь увесистое. Тупое. Сбоку от себя замечаю большую пустую стеклянную бутылку из-под водки. Подхватываю ее, прикидываю в руке. Вполне сойдет.

Потом медленно направляюсь к нему. Он не двигается, все еще не сводя глаз с убийства на экране и даже не подо-

зревая о той буре насилия, которая вот-вот разразится в его собственной гостиной. Поднимаю бутылку над головой и быстро опускаю ее вниз.

Стекло не разбивается, но я чувствую, как что-то поддалось. Череп у него треснул, лопнула кожа. На макушке запузырилась кровь. Замахиваюсь, чтобы ударить еще разок, но этого не требуется. Он медленно валится набок – рот открыт, видны непрожеванные чипсы, коркой приставшие к желтоватым зубам.

Время дорого. Хватаю его за руки, сдергивая с дивана. Он неуклюже падает на пол. За раной у него на голове тянется кровавый след, пока я тащу его на кухню. Он оказался совсем не тяжелым – точнее, отвратительное существо, которое он собой и представлял. Еще раз понимаю, почему мною выбран именно он. Почему он соответствовал моим требованиям.

С некоторым усилием усаживаю его на стул. Голова у него упала на грудь, язык вывалился. Нет никакой необходимости связывать его – этот парень явно не собирается скоро очнуться.

Шавка за задней дверью все еще заходится лаем. Не хочу, чтобы меня хоть что-то беспокоило, поэтому открываю дверь. Маленький терьер бросается было в дом, но тут останавливается. Видно, понимает, что что-то не так, однако действует недостаточно быстро – я хватаю его за загривок и со всей силы швыряю в стенку. Он падает на пол,

оглушенный, но быстро очухивается и кидается на меня. На сей раз решаю не миндальничать.

Тянусь к нему, промахиваюсь, и он кусает меня за запястье, крепко вцепившись в него зубами. Внезапная боль и изумление приводят меня в ярость – волной накатывают ненависть и гнев. Ощущаю, как бешено заколотилось сердце, а в голове помутилось, когда я отрываю его от своей руки и подношу к лицу, держа за загривок. Тут он затихает, наблюдая за мной темно-кариими глазками. Это его и спасло.

Отношу его, безвольно свесившего лапы, к чулану в прихожей, распахиваю дверь и швыряю туда. Он съезживается там в темноте. Узнал собрата-хищника – понял, что потерпел поражение. Захлопываю дверь, дрожа всем телом. Подступают страх и паника, и надо поскорей покончить с начатым делом.

Присаживаюсь перед обмякшим на стуле мужчиной на корточки, беру его за руку. Выворачиваю ее ладонью вверх, обнажая белое, чистое предплечье. Немного медлю.

В жизни от него все равно не было никакого толку. Он не представлял собой абсолютно никакой ценности.

А после смерти он станет частью чего-то. Чего-то большего. Чего-то стоящего.

Это будоражит меня. Как и все остальное, что еще впереди.

Я все сделаю как надо. Для тебя.

Глава 19

Адам наблюдает, как бутылку фотографируют, а затем аккуратно помещают в чистый белый контейнер для улик и отправляют на экспертизу. Может, им повезет с этим отпечатком. А может, и нет. Но каждая, даже самая незначительная улика приближает их к поимке преступника. Адама уже охватывает азарт погони, накатывает прилив оптимизма. Вот за что он так любит свою работу.

Адам выходит из кухни и встает в дверях гостиной убитого. Осматривает неряшливую, беспорядочно заваленную всяким хламом комнату. Даже из-под защитной маски чувствует застарелый запах пива и какой-то жареной снеди, втопанной в ковер. На поцарапанном журнальном столике стоит пустое картонное корытце из-под купленной на вынос еды, с пластиковой вилкой внутри. Рядом – две банки из-под пива. Что-то тревожно царапает сердце – чувство связи со своей собственной одинокой жизнью.

Итак, этот парень провел вечер дома. Ужин, пиво, что-то по телику... Адам оглядывается на кухню, потом смотрит на кровавые пятна на диване. Понял ли обитатель этого дома, что кто-то вломился к нему, или же пребывал в блаженном неведении, пока бутылка не опустилась ему на череп? Не было ли это преступление скорее спонтанным – совершенным благодаря удачно подвернувшейся возможности, а не спла-

нированным? Бутылка из-под водки – точно такая же, что и в мусорном контейнере снаружи. Преступник приходит с целью убить – он испытывает потребность убивать? – но пустырь, на котором он обычно избавляется от тел, наводнен полицией. Хватает первое, что подвернулось под руку, оставляет жертву истекать кровью на полу ее собственной кухни, и что потом? Спокойно удаляется?

Адам слышит, как в комнату кто-то входит, и оборачивается. Перед ним стоит Джейми.

– Есть что-нибудь из соседнего дома? – спрашивает Бишоп.

Джейми качает головой.

– Ни хрена полезного. Слышали собачий лай, затем тишина. Никаких криков о помощи. Он был из тех соседей, что держатся особняком.

– Какие-нибудь незнакомые машины на дороге? Как убийца скрылся отсюда? – Мысли Адама возвращаются к словам Кары: кто-то, скорее всего, когда-нибудь увидит его. – Он наверняка был весь в крови. Вряд ли это не вызвало бы подозрений.

– За домом – натуральный лабиринт из переулков. Там, где я живу, такой же, он соединяет все сады. Легко ускользнуть незамеченным. Особенно прошлой ночью.

– Хм...

Адам умолкает и в наступившей относительной тишине слышит какой-то шум. Тихий скулеж, затем взвизг. Зами-

рает и прислушивается, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, чтобы понять, откуда доносится этот звук. И вот опять – вроде из чулана. Адам подходит туда и открывает дверь – из темноты моментально выскакивает маленький белый песик, от его шерсти исходит неопишное злое. Должно быть, бедолага просидел там всю ночь – больше негде было испачкаться. Он возбужденно скачет вокруг Адама и Джейми, пока Адам не наклоняется и не подхватывает его на руки, всего перемазанного в дерьме и всем остальном. Собака лижет ему лицо; Адам пытается убрать голову. Но тут замечает в путанице меха что-то еще. Какие-то красные следы.

– Держи! – Он манит к себе ближайшего криминалиста и передает ему пса; тот неохотно берет его. – Возьми мазки.

– А вы не думаете, что это с убитого?

– Не исключено. Хотя если б это было так, собака была бы перемазана с ног до головы. – Тут у Адама звонит телефон, отвлекая его. – И, ради бога, пусть кто-нибудь потом вымоет его.

Он выходит из дома в сад, Джейми тянется за ним. Выйдя за оцепление, достает из кармана телефон и набирает номер, высветившийся на экране. Ромилли отвечает после первого же гудка.

– Я уже видела в новостях, – говорит она. – Еще один?

– Да.

– И подходит?

– Нет. Ничего такого здесь нет, Милли. Если взять за основу твою гипотезу, то он номер одиннадцатый, но нигде ничего не написано. Ни краски из баллончика, ни царапин на стене.

Молчание на другом конце линии. Ясно, что она ему не верит.

– Прости, мне пора идти. У меня есть работа, которую нужно выполнять. – Адам прощается и дает отбой, прежде чем она успевает хоть как-то возразить.

Джейми бросает на него взгляд.

– Это Ромилли? – спрашивает он через миг. – Насчет этого дела?

– У нее есть теория. Касательно связи.

Джейми на секунду вроде сбит с толку, а затем чуть ли не выпучивает глаза.

– Не хочешь же ты сказать... с тем, что произошло почти тридцать лет назад?

Адам рассказывает ему про цифры на внутренней стене флигеля, обнаруженные в 1995 году. Числа, которые каким-то образом могут быть связаны с числами на свалке.

– Выходит, этот... – начинает Джейми.

– Только вот здесь ничего такого нет, – говорит Адам, обводя вокруг себя рукой.

– Верно. Но...

– Что «но»?

Джейми на секунду задумывается. А когда вновь начинает

говорить, тон его звучит размеренно и взвешенно.

– Если бы такую версию выдвинул кто-то другой – тот, у кого с тобой нет общего прошлого... Нет всех этих неулаженных вопросов...

– Все эти вопросы давно улажены.

Джейми закатывает глаза.

– Как скажешь. Ладно: кто-то, кто знает это дело так же хорошо, как и она. Тогда бы ты поверил?

– Нет! Это просто смешно, – повторяет Адам. Но тут же умолкает. Джейми прав. Вот же гад надоедливый... В голове зарождается смутное беспокойство.

– А как там вообще Ром? – спрашивает Джейми после паузы.

Адам бросает на него взгляд.

– По-моему, ты знаешь это лучше меня, старина. Они с твоей женой – по-прежнему подружки не разлей вода.

– В смысле, для тебя. Каково тебе было опять пообщаться с ней?

– Нормально.

– Просто нормально?

Адам чувствует на себе пристальный взгляд Джейми.

– Вообще-то несколько странновато, раз уж на то пошло. Если тебе так уж хочется знать... Как будто ничего не изменилось и в то же время изменилось. Что представляет собой этот ее мужик?

– Славный парень. Немного скучноватый. – Джейми де-

дает паузу. – Совсем не похож на тебя.

– В каком это смысле?

Они отходят в сторону, когда во дворе появляются двое криминалистов.

– Симпатичный малый, гордится своей внешностью, – говорит Джейми.

– Я оскорблен до глубины души.

– ...вежливый, приятный в общении. У него такая работа, после которой по вечерам он всегда дома.

– Чем он занимается?

– Он инструктор лечебной физкультуры. Они познакомились в больнице. И он охренительно крут. В его присутствии я чувствую себя неполноценным. – Джейми похлопывает себя по круглому животу под защитным костюмом.

– А ты, похоже, хорошо его знаешь?

– Да, неплохо. Они приходили к нам на ужин.

– Один раз?

Пауза.

– Несколько, – неохотно бурчит Джейми.

Двое мужчин стоят в молчании. Адам размышляет об этом парне. Ромилли вроде не из тех женщин, которые ценят в первую очередь внешность, но, может, он и ошибался на ее счет. Как, в конце концов, ошибался и во многом другом.

Натянув на голову капюшон, Адам возвращается внутрь. Криминалисты закончили фотографировать место преступления; Росс возобновляет свой осмотр. Тело теперь уложено

на лист белого пластика, и на внутренней стороне предплечий мужчины видны большие окровавленные порезы. Росс может и не озвучивать причину смерти – все и так очевидно.

– А сколько требуется времени, чтобы полностью истечь кровью при таких порезах? – интересуется Адам.

– Довольно много, – отвечает Росс, не поднимая глаз. Тычет в порез пальцем в перчатке. – Несмотря на то, как это выглядит, раны неглубокие. Я бы ожидал быстрого свертывания крови. Интересно...

Голос его затихает, когда он начинает дальше открывать руки мужчины, задирая рукава футболки повыше.

– Да, вот оно.

Сидя на корточках, Росс на что-то показывает; Адам наклоняется туда, куда указывает патологоанатом. Это маленькая красная отметина, почти незаметная.

– Могу предположить, что токсикология покажет наличие большого количества какого-либо антикоагулянта. Чего-то вроде гепарина или варфарина.

– Крысиного яда?

Росс усмехается.

– Как, по-вашему, он убивает крыс, старший детектив-инспектор Бишоп? Это средство, разжижающее кровь. Тогда у него не было ни малейших шансов, даже без черепно-мозговой травмы. – Он продолжает осматривать руку мужчины. – А вот еще здесь и здесь...

– Что?

– Следы от иглы, – отвечает Росс. – Хотя большего калибра.

Адам чувствует, как у него все плывет перед глазами, и быстро встает, отводя взгляд. На секунду закрывает глаза, а затем снова открывает их, заметив вопросительный взгляд Джейми.

Патологоанатом продолжает говорить:

– ...более выраженные. Прямо в вену. Странно. Интересно... – Он ненадолго умолкает, все еще ковыряясь в окровавленной плоти. – Зачем кому-то понадобилась такая игла? – бормочет Росс себе под нос.

Адам откашливается.

– А насколько серьезна рана на голове? – спрашивает он, пытаясь отвлечь внимание Росса от следов от уколов.

– Череп проломлен. В морге я осмотрю ее как следует, но не думаю, что к тому времени, как его усадили на стул, мозг нормально функционировал.

Адам что-то благодарно бормочет и отходит от тела. Жестом приглашает Джейми выйти из дома на улицу; его заместитель следует за ним. Нырнет под ленту оцепления и сразу же закуривает сигарету.

Что-то по-прежнему не дает ему покоя. Убит еще один человек. И нельзя игнорировать ни один из возможных путей расследования, каким бы нелепым тот ни казался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.